

Александр Филиппов

А ВОТ ЕЩЁ СЛУЧАЙ
БЫЛ...

Занимательные
истории

Александр Филиппов
А вот ещё случай был...
Занимательные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617946

ISBN 9785448330247

Аннотация

Существует мнение, что сатира как литературный жанр почилла в бозе. Тем интереснее окажутся для читателя сатирические повести, вошедшие в эту книгу. Что будет, если филиал крупной нефтяной компании возглавит в силу невероятных обстоятельств вор-рецидивист? Может ли в результате жестокого розыгрыша в отдалённом районе возникнуть ситуация, сходная с той, что царила в 1937 году? Повести «Всё по-честному», «День козла», «Время 37-го» были опубликованы ранее в журналах «Юность», «Искатель».

Содержание

Всё по-честному	6
1	6
2	13
3	20
4	25
5	31
6	36
7	43
8	50
9	57
10	63
11	68
12	72
13	79
14	85
16	95
17	102
18	106
19	110
20	117
21	119
22	123
23	126

День козла	127
I	127
II	136
III	141
IV	145
Конец ознакомительного фрагмента.	149

А вот ещё случай был...
Занимательные истории
Александр
Геннадьевич Филиппов

© Александр Геннадьевич Филиппов, 2016

ISBN 978-5-4483-3024-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё по-честному

Повесть

1

Клифт бежал по гулкому, заполненному народом залу ожидания Казанского вокзала, перепрыгивая через чемоданы и сумки, увёртываясь ловко от дребезжащих тележек с багажом, успевая следить краем глаза за тем, что бы носильщики – верные помощники ментов, не подставили ему предательскую подножку.

В тюрьму ему, Клифту, никак нельзя. Только что откинулся от хозяина, вчера, можно сказать, не нагулялся ещё на воле – и вдруг такой, как у малолетки, ремесло щипача осваивающего, облом.

Влип, как фрайер! Ну, кто, скажите, пожалуйста, из нормальных москвичей и приезжих в столицу носит сейчас набитые деньгами бумажники в задних карманах брюк? Нет нынче таких лохов, не осталось в природе, в принципе. А ему, карманнику с четверть вековым трудовым стажем, вдруг такой и попался.

Стоит эдакий респектабельный мужчина в белой рубашке, чуть за тридцать в хвосте очереди к железнодорожной кас-

се, и беззаботно, коротая время, сложенную вчетверо газетку почитывает. А из заднего кармана его серых, тщательно отглаженных брюк, такой лопатник торчит! Теснённой кожи, пухлый, как сдобный пирожок свежей выпечки, набитый, надо полагать, аккуратно сложенными в пачечки по отделениям купюрами разных достоинств. И не исключено, что благородно-зелёными баксами или разноцветными евриками...

Клифт аж едва не загулил, словно увидевший долгожданную маму младенец, ещё чуть-чуть, и пузыри слюней от вожделения пускать бы начал. Расскажи пацанам – помрут со смеху от такой дешёвой подставы! А у него от жадности рамсы попутались. И то! Москва – город богатый. Может они здесь, в Москве, совсем зажрались, в потном кулачке каждую сотенную, как в провинции, не сжимают, для них деньги – тьфу, и даже такой вот бумажник можно вполне без присмотра оставить. А он, Клифт, совсем по нулям. Только что из зоны. Понятно, кенты на воле встретили, как полагаётся, подогрели, на хату определили. Но любой долг платежом красен. А в воровском мире – тем более. А то попадёшь в непонятные! И кончишь жизнь в петушатнике...

Он, Клифт, жулик авторитетный. Хоть и не в законе, но живёт по понятиям, и в воровском мире человек известный. Ему в падло нахлебником у кого бы то ни было, состоять. Тем более что руки-то вот они. Золотые, прямо скажем, ручки, даже в годы отсидок чётками тренированные.

Спецы из чужих карманов денежки тырить – они тоже

по мастьям, как игральные карты, подразделяются. Есть ширмачи, которые через руку, в чужом кармане или сумочке шарящую, плащ или курточку перекидывают, и тем от посторонних глаз прикрываются. Есть трясуны – те одним точным, неощутимым почти для владельца ударом, бумажник из любого, даже самого укромного кармана выбить могут. Писари режут сумочки или одежду бритвой или монеткой заточенной. Рыболовы – крючками вытягивают. Хирурги – пинцетами. Щипачи чаще группами работают. Один отвлекает жертву, другой карманы чистит. Есть ещё колёсники – в общественном транспорте трудятся, и, соответственно, магазинчики, рыночники. В метро народ кроты шерстят. Дубилы – черти полуопущенные, на жратве специализируются. Стащат батон хлеба из авоськи, палку колбасы или банку консервов – тем и счастливы. Самые козырные из карманников – марвихеры, которые только солидными клиентами с толстыми бумажниками интересуются. И, хотя Клифт владел виртуозно всеми способами краж, к марвихерам себя относил. Вор-одиночка. Пальчики – как у музыканта, причём слепого. Чуткие. Не только выпуклые буквы Брайля могут легко различить, но и бумажник сквозь толстое шерстяное пальто или кожу дамской сумочки нащупать. А дальше – дело техники, десятилетиями отточенной. Никаких бритв, пинцетов – с ними спалишься, потом не открестишься. Только пальцы – юркие, как рыбки в воде, нежные, как у любовницы. Чик – пуговичку лёгким касанием расстегнули, вжик –

замочек-молнию. И – нырк в щелочку, в нутро тёплое, цап-царап бумажничек, кошелёчек – и как не бывало его. Высший шик – ещё и пуговку, замочек-молнию опять застегнуть. Что б ни сразу хватились. На всё про всё секунда уходит. Быстро, точно, красиво...

А на этот раз лажанулся. Приметил тот аппетитный бумажничек, соорил морду интеллигентно-заполошную, и попёр сквозь очередь: «Простите... извините ради бога... Мне только время отправления уточнить...». Ломанулся, как дурак в буфет с одной копейкой. И, протискиваясь, вежливо так, бережно, очередников в кассу левой ручкой отодвигал. А правой, походя, прихватил бумажничек за верхний краешек у лоха из заднего кармана брюк. И... стоп! Лох беззаботный с газеткой вдруг – хватъ Клифта за руку. Ту самую, что с бумажником. По ментовски так, намертво крепко – хватъ! И – стоять! УГРО! Вы задержаны!

Тут же ещё архаровцы подскочили – с видеокамерой портативной, на Клифта объективом, как пистолетом, нацеленной. Видать, скрытно все моменты кражи фиксировали. Понятное дело – профессионалы, опера из отдела по борьбе с карманными кражами. Умеют, суки, щипачей с поличным брать. А он-то, Клифт! Ну не фрайер?! На живца, как голодного щучонка, словили!

А тот, что с лопатником в кармане рисовался, уже распоряжается:

– Та-ак, па-апрошу вас, граждане... В вашем присутствии

задержан вор-карманник. Мы должны оформить вас, как свидетелей...

Ага, щас! Опять за колючую проволоку, срок мотать? Не дождётесь. И-эх, была, не была! Чать, не подстрелят, в переполненном-то народом зале!

Клифт извернулся, саданул держащего его за руку оперативника коленом в пах, боднул головой в лицо, и когда тот, ошалев на мгновение от боли, ослабил хватку чуток, крутанулся юлой, вырвался, и помчался сквозь людскую толпу.

– Держи! Держи вора! – орали опера у него за спиной, но Клифт, парень не промах, скача по проходу между диванов с дремлющими на них пассажирами, тоже заорал истошно, тыча указательным пальцем куда-то перед собой:

– Держи вора! Вон он, вон он гад, побежал!

И все встречные крутили испуганно головами, смотрели послушно, ориентируясь на указующий перст Клифта, но, поди, разберись в такой суматохе, кто вор, если даже опера мало отличимы от жуликов по гражданке!

Тут вдруг подвернулся на пути цыганёнок подросткового возраста, заметался, то ли испугавшись переполоха, то ли по причине нечистой совести, – то же, должно быть, промышлял тем, что плохо лежит, и Клифт заревел с восторгом, науськивая на него толпу:

– Вот он! Хватай! Вяжи! Где полиция?! – а сам шмыгнул шустро в противоположную сторону.

И вот он мчался теперь, запалено дыша, по перрону, мимо

зелёных, покрытых белесой пылью нездешних мест, пассажирских железнодорожных составов, а позади, он чувял это, как зверь, не оглядываясь даже, молотили за ним, резво перебирая ногами, опера, не поддавшиеся на его уловку, словно хорошо натасканные гончие псы, взявшие горячий и верный след. Молодые опера, ч-чёрт, лёгкие у них не прокуренные, сердца чифиром лагерным не подсаженные, быстрые опера, стремительные, как пули, и Клифт, задыхаясь, отчётливо понимал, что на этот раз ему от них не уйти.

Озираясь затравленно по сторонам, он приметил, что в состав, тот, что был справа от него, началась посадка. У открытых дверей вагонов толпились пассажиры и провожающие, а строгие проводницы придиричиво рассматривали посадочные билеты.

Миновав одну такую группу людей, Клифт подбежал к следующему вагону. Здесь у подножки замешкалась молодая мамаша с чемоданом и ребёнком в руках.

– Позвольте, я вам помогу, – мигом нашёлся Клифт.

Женщина, прижав к себе ребёнка, доверчиво позволила взять из рук чемодан.

Проводница, ни слова не говоря, отступила в сторону, и Клифт оказался в вагоне. По причине того, что посадка только что началась, здесь было пустынно и тихо.

Мамаша указала на своё купе, Клифт распахнул дверь, внёс чемодан.

– Располагайтесь, – предложил он радушно, и, кивнув

женщине в ответ на благодарность, бросил туманно, – пойду своих поищу...

Пользуясь тем, что вошедшие следом пассажиры сгрудились в начале вагона, сверяясь с билетами, и отыскивая свои места, Клифт решительно взялся за ручку ближайшего купе, отодвинул беззвучно скользнувшую на хорошо смазанных роликах, дверь, и шагнул внутрь.

2

Только сейчас Клифт сообразил, что нелёгкая занесла его в мягкий вагон СВ, и купе было двухместным. Он соображал судорожно. Сейчас, сию минуту сюда могут войти законные, обилеченные пассажиры. Дать дёру? Но на перроне наверняка маячат, озабоченно вертя головами, давешние оперативники. Спрятаться здесь? На первый взгляд, негде. Нырнуть под диван? Но его наверняка поднимут, что бы уложить чемоданы и сумки. И – нате вам с кисточкой. Поднимется крик, прибежит проводница, а потом и полиция...

Клифт задрал голову вверх. А вот, кажется, и то, что нужно. Над входной дверью в купе располагалась ниша. В ней – два рулоном скатанных полосатых матраца, коричневые шерстяные одеяла.

Поставив ногу на приступочку, он подтянулся. Ба-а! Да здесь и для него местечко найдётся!

Клифт юркнул в нишу, старательно закамуфлировав себя постельными принадлежностями. Если специально не шарить, снизу его наверняка не видно. Затаиться, выждать. Вряд ли пассажиры сразу стелиться кинутся. Пока освоятся, если повезёт, покурить, или в вагон-ресторан выйдут. Ему и надо-то всего проехать до ближайшей станции, подальше от оперов. А там – ищи ветра в поле... В крайнем случае, на глазах у изумлённых пассажиров на первой же

остановке поезда спустится с верхотуры, припугнёт, если вякнут, уж это-то он умеет, понты колотить, на вольных с нахрапом зоновским наезжать, и – вон из купе, из вагона. Никто ничего не поймёт, да и, скорее всего не предпримет – вещички-то на месте, так чего лишний шум поднимать? Ущерб-то нет!

Вовремя за матрац Клифт затарился. Щёлкнул дверной замок, и в купе кто-то вошёл.

– Проходите, проходите, будьте как дома, – ворковал женский голос. – Российские железные дороги приветствуют вас, и желают счастливого путешествия!

– Ладно, ладно, – пробурчал мужской голос в ответ. – Вы, главное, до пункта назначения довезите. Вечно у вас – то самолёты падают, то поезда с рельсов сходят... Бардак!

– Да что вы... Доставим в лучшем виде – оправдывалась проводница.

– И глядите у меня – в купе никого не подсаживать!

– Конечно, конечно, – лебезила проводница. – У вас же оба места оплачены...

– Знаю я вас! – рокотал мужской бас. – Калымить будете – так не за мой счёт. На-ка тебе за труды, и не беспокой меня понапрасну.

– Ой, спасибочки... Я завсегда, в любое время... Только на кнопку надавите вот эту – мигом примчусь.

– Не надо. Устал. Спать хочу.

– Постельку вам застелить? Одеялко, матрасик...

Клифт похолодел в своём закутке.

– Не надо. Сам разберусь. Свободны.

– У меня специальная табличка есть. С надписью «Не беспокоить». Хотите, я вам её на ручку двери снаружи повешу?

– Валяй!

Дверной замок щёлкнул, и пассажир остался в купе один.

Клифт, стараясь дышать бесшумно, вытянул по-гусиному шею, и прильнул к щелочке между матрасом и одеялом, разглядывая попутчика поневоле.

Примерно одного с карманником возраста, ближе к сорока. Чернявый, с проседью. Семидневная щетина, короткая стрижка по нынешней моде – будто только с зоны откинулся, хотя сейчас и на зонах не стригут налысо. Чем-то неуловимо похож на Клифта. Вот только костюмов таких цвета «металлик» по пять тысяч долларов карманник отродясь не носил, как и рубашек с монограммами и туфель, из крокодиловой кожи, небось.

Клифт сразу же почувствовал к незнакомцу что-то вроде классовой неприязни. Видал он таких. И лопатников из их импортных лепешков повинытаскивал несчитано. Да вот не разбогател. Хотя денежки, бывало, после удачного скока у него водились. Да всё как-то... между пальцев и утекали. А он и не жалеет. Видать, не судьба. Видать, у этих, богатеньких, ген какой-то особый в организме присутствует, благодаря которому деньги к ним липнут. А Клифт, как ни крути, пролетарий криминалитета. Даже паханом, который других

на дела посылает, и при этом не замаранным остаётся, никогда не был. Всё сам, своим горбом добывал. И по карманам собственноручно шарил, и срока немалые за то постоянно мотал. Всё, как говорится, по-честному. Он ведь жулик не абы какой, отмороженный на всю голову, а с понятиями. Работягу, например, или старушку-пенсионерку ни в жизнь не тронет. Зато юзера вот такого, в крокодиловых туфлях, или дамочку, с губками ботексными на весь свет презрительно оттопыренными, сам Бог велел заставить делиться с ближним. То есть с ним, Клифтом. Только вот подобраться к этой публике всё труднее становится. Они для себя словно государство в государстве выстроили. В общественном транспорте, в метро не ездят практически. Живут тоже на особицу, за шлагбаумами, в разных там элитных посёлках да кондоминиумах. И аэропорты, вокзалы, театры, концертные залы столичные остались теми немногими местами, где эти хозяева жизни бывают пока на равных с остальным людом. И там для Клифта – раздолье! И раз уж он так удачно попал, то этого фрайерка в дорогом костюме он обязательно бомбанёт. Не знает пока, как, но бомбанёт за милую душу! Может, дождётся, пока тот задремлет, а может, и шандарахнет чем-нибудь по башке, хоть такой гоп-стоп и не по его специальности. Но бабки у этого, всё купе для себя откупившего, должны быть, и не малые... Торопиться-то некуда. Выждет момент, и – вперёд!

А тем временем вальяжный попутчик расстегнул объёми-

стый портфель, достал оттуда литровую, не иначе, бутылку – коньяка ли, виски, хрен их разберёт, не по-русски на этикетке написано, налил в стакан, прихлёбывать начал. Без закуски. И то! Это от водяры всего наизнанку выворачивает, если не заесть, или хотя бы не занюхать, хоть рукавом, стопарик, а хороший алкоголь можно и не закусывать. Ишь, сидит, развалясь, наслаждается. А вот дать бы тебе этой пузатой бутылкой литого стекла по башке, сразу бы понял, что не поймал ещё Бога за бороду!

Впрочем, то, что потенциальный клиент принялся накачиваться спиртным, Клифта вполне устраивало. С пьяным-то справится в любом случае проще. Может, наклюкается сейчас, да заснёт. А после того можно и бумажничек его приватизировать, и портфель толстенький прихватить. Наверняка в нём ещё чего-нибудь ценного, кроме выпивки, найдётся. Надо только не торопиться, набраться терпения, выждать момент...

Клифт прикрыл глаза. По опыту своего ремесла знал, что нельзя долго пялиться на человека, даже в спину смотреть нельзя, обязательно почувствует взгляд, насторожится, начнёт озираться тревожно, и прощай тогда, удачная кража. Однако, этот безмятежен пока. Опять забулькало из бутылки. Жизнь удалась! А что, сука в ботинках из крокодила, ты в жизни той видел? Тебя, что ли, после восьмого класса мамаша непутёвая сперва в детский дом, а потом, одумавшись вроде, домой вернула, да через год в ПТУ строительное,

или, как тогда говорили, «каблуху», на казённые харчи, сдала? У тебя старшие пацаны всё отбирали – шмотки, степену жалкую? А на стройке, на практике, тебя, что ли, мужики к кладовщице за ведром менструации посылали, а потом хохотали под её визг, указывая пальцем на Клифта? Впрочем, он и не Клифтом был тогда, а Валеркой Пузанёвым, безотцовщиной-недоучкой. Клифтом он после первой отсидки, по малолетке ещё стал, когда срок получил за то, что у продавщицы газированной воды на улице тарелку с мелочью стырил. Жрать хотелось, не милостыню же просить? Год чалил, вышел, а мать на какую-то ударную стойку подалась, реку в Сибири плотиной перекрывала, к себе звала. А чего он там не видал? В зоне прочно усвоил – от работы конидохнут. Да и работать – где? Опять на стройку, в подсобники? Он ведь даже ПТУ не окончил. Хорошо, Писарь, старый карманник, пригрел. К делу приставил. Сперва на подхвате – кошельки из карманов, сумочек, бритвой-писанкой взрезанных, в толпе передавал, что б с поличным самому не спалиться. Потом ремеслу обучил. Клифт хорошим карманником стал, высшей квалификации. Но и менты не дремали. В итоге пять сроков по пять лет, или пять Петров, по-зонамски, можно сказать, в квадрате, из своих сорока от роду, отсидел. Искупил хоть в какой-то степени, стал быть, перед Богом и обществом свои воровские грехи.

Этот, на диване, в третий раз булькнул пузатой бутылкой. Жахнул пол стакана, зачавкал припасённым лимоном

так, что у Клифта от оскомины зубы свело, и слюна потекла, как у голодной собаки. Если и дальше этот фрайерок будет в том же темпе спиртным наливать, то у Клифта с выходом из вагонного заточения проблем не будет.

Поезд тронулся мягко, качнулся вагон, звякнули сцепки.

И в этот момент в купе постучали.

– Я же просил не беспокоить! – подал голос попутчик, но дверь уже отъехала в сторону.

– Проверка документов! – строго произнёс вошедший.

Клифт глянул из своего закутка вниз, и задохнулся обморочно. В купе стоял полицейский майор.

– Вы один в купе? – деловито осведомился блюстититель порядка.

Карманник заостенел, понимая обречённо, что это – конец. Деваться ему некуда, и стоит менту обернуться, осмотреться хотя бы бегло, он непременно обнаружит Клифта. Тёпленького, как на подносе...

– Нет, я тут с бабой кувыркаюсь, – с хмельной дурашливостью заявил пассажир. – У проводницы не мог спросить, кто я? Нет, лезет в купе, беспокоит по пустякам. Тебе что, погоны на плечи давят? Могу, ха-ха, помочь, облегчить, так сказать, ношу. На одну ступень звания! Будешь, блин, капитаном железнодорожного плаванья!

– Прошу прощения, служба, – ответил сухо майор. – Осматриваем весь состав. Проверяем наличие незаконных мигрантов, криминальных элементов. Обычная процедура. В соседнем вагоне депутат Государственной Думы едет, и ничего. Отнёсся с пониманием, предъявил документы...

– Ну, на тебе документы. Вот паспорт, вот командировочное удостоверение. Билет, сам знаешь, у проводницы.

Полицейский пошелестел бумагами.

– Жабин Юрий Степанович?

– А кто ж ещё, твою мать! В паспорте ясно написано.

– Куда следуете?

– В Южноуральск. Назначен на должность генерального директора нефтяной компании «Южуральскнефть». Слышал про такую?

– Слышал. Извините, просто я должен лично удостовериться, что вы именно Жабин, Юрий... э-э... Степанович, – примирительно ответил майор. – В нашем деле ошибиться нельзя...

– Ну, удостоверился? – раздражённо прервал его нефтяник. – Теперь у тебя ко мне всё?

– Не совсем...

Полицейский сделал шаг назад, потом, сунув руку под лацкан кителя, вытянул из-за пазухи пистолет – длинный, с глушителем.

И – пф-ф, пф-ф, – дважды выстрелил в грудь удивлённого пассажира.

Клифт едва не обделался со страха. Если его заметят сейчас – арест ему не грозит. Отправят отбывать вечный срок на том свете...

Между тем киллер в майорском мундире склонился над убитым, хладнокровно пощупал у него пульс на запястье, оттянул верхнее веко, и, убедившись, что перед ним труп, отвинтил глушитель от ствола пистолета, положил в боковой карман кителя, а оружие опять сунул за пазуху. И вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь купе.

Клифт лежал на багажной полке, ни жив, ни мёртв. Только что у него на глазах был убит человек. Застрелен хладно-

кровно, профессионально. И он, Клифт, теперь один на один с трупаком. Если кто-то войдёт сюда, обнаружит убитого, а рядом с ним уголовного, неоднократно судимого, то вряд ли компетентные органы поверят в рассказ о некоем третьем лице в полицейской форме. Догадайтесь с первого раза, на кого реально падут подозрения?

Впрочем, Клифт не был бы фартовым вором, кое-какой авторитет среди братвы имеющий, если бы рассопливился, а не сосредоточился сейчас, трезво оценивая ситуацию.

Он шустренько спустился с полки, мягко ступая, прильнул ухом к двери. Вроде всё тихо. Осторожно нажав на ручку, чуть приоткрыл. Посмотрел, на месте ли табличка «Не беспокоить». Киллера она, конечно, не остановила, а вот проводница, случайный пассажир из любителей преферанса, в поисках партнёра в купе, хочется верить, носа не сунут. Запер дверь изнутри, присел, ладонью смахнув со лба пот. Внимательно оглядел тело, оплывшее на диване напротив.

Две пули вошли прямо в сердце. Оно остановилось мгновенно, от того и крови было не много. На распахнутом импортном пиджаке – ни следа. Только на белоснежной, не иначе, как на заказ пошитой рубашке расплылось небольшое, с чайное блюдце, пятно.

Взяв труп за плечи, потянул на себя, взглянул на спину. Ранение не сквозное.

Клифт ещё не понимал, зачем ему этот осмотр, он же не эксперт-криминалист, не патологоанатом, но то, что сра-

жённий пулями попутчик выглядел, в принципе, если прикрыть кровавое пятно, как живой, успокоило от чего-то.

А поезд уже мчал, набрав крейсерскую скорость, покачиваясь умиротворённо, погромыхивая колёсами на стыках рельс, и за окном пробежал, отставая, унылый пейзаж ближнего Подмосковья с чередой обшарпанных гаражей, заброшенных заводиков с прокопченными трубами, бесконечными бетонными заборами, разукрашенными граффити, безымянными деревеньками с избами-развалюшками, стожками сена у кособоких сараев, перемежающиеся роскошными, нелепо выглядящими среди этой убогости виллами в несколько этажей.

Клифт перевёл взгляд на мёртвого попутчика, поинтересовался шёпотом:

– Что, влип по крупному, парень? Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал? За всё, братан, платить приходится. И за жизнь кучерявую в том числе. Чего ж ты наворотил такого, что тебя к вышке приговорили? Я, например, вор-рецидивист, а больше пяти лет срака наказания ни разу не давали... Молчишь? Тебе, конечно, теперь всё по-фигу, а мне-то что делать? Ну ладно, не впервой. Как-нибудь и без твоей помощи выкручусь...

Сказал так, и язык прикусил озарено. А почему, собственно, не прибегнуть к помощи мёртвого фрайерка?

Клифт взял со стола бутылку, разобрал из любопытства на этикетке латинскую надпись – «бренди», набулькал себе

половину фужера – не удовольствия ради, а что бы мысли в порядок привести, выпил. Крепкая, но приятная на вкус штука, и впрямь не закусывать можно. Потом, опустив окно, достал примятую пачку «Явы», закурил, сосредоточенно затягиваясь сигаретой, и напряжённо обдумывая план предстоящих действий.

Смеркалось, когда скорый поезд Москва – Южноуральск остановился на запруженном народом перроне Самары. Ожидавшие посадки, встречающие и провожающие, как всегда случается по прибытию состава, заметались на платформе в поисках своих вагонов. Во всеобщей суете никто не обратил внимания на парочку подвыпивших крепко пассажиров, сошедших не без труда. Один из них был настолько пьян, что буквально на ногах не держался, и приятель едва ли не волоком спустил его с подножки вагона.

С трудом, сжимая для устойчивости, друг друга в крепких объятиях, они добрались до скамейки, на которой уже примостился бомж, заросший грязной клокастой бородой, с полторашкой пива в руках.

Тот из подгулявших пассажиров, что был потрезвее, одетый в дорогой костюм цвета «металлик», с облегчением усадил приятеля, привалив его к спинке скамейки.

Заботливо запахнув и застегнув на все пуговицы пиджак раскисшего друга – простенький, китайского пошива, его более трезвый попутчик строго глянул на бомжа:

– Присмотри за моим товарищем, а я сейчас такси вызову. И растворился во мраке.

Через пару минут он, одёрнув чуть великоватый ему костюм модного цвета «металлик», по-свойски кивнув провод-

нице, вошёл в вагон, и скрылся в своём купе, заботливо поправив на двери табличку «Не беспокоить».

Там, старательно заперев дверь, Клифт сбросил пиджак и, не снимая пришедшихся впору ботинок из крокодиловой кожи, повалился на мягкий диван. Заложив руки за голову, он размышлял над тем, что всё пока складывалось на редкость удачно.

Пару часов назад, оставшись наедине с жертвой киллера, Клифт осторожно, что бы ни запачкаться о кровавое пятно на груди убитого, извлёк из внутреннего кармана не пострадавшего от пуль пиджака туго набитый бумажник. В нём – несколько пятидесятирублевых купюр, ещё бумажки – помельче достоинством, несколько банковских карточек. Их, к слову, Клифт терпеть не мог. Ну что за моду взяли – эти карточки вместо живых денег таскать? Охотишься, бывало, за таким вот лопатником, хапнешь удачно – а там пластиковое дерьмо это вместо денег. Куда с ним? С банкомата не снимешь. Есть, конечно, спецы, но Клифт не по этой части. Милое дело – наличка! ... А вот и паспорт. Вглядевшись в фотографию, Клифт неожиданно обнаружил сходство между собой и попутчиком. Не теперешним, естественно, осунувшимся и мёртвенно-бледным покойником, а тем, как выглядел гражданин Жабин лет пять назад, когда на паспорт фотографировался. С нагловатыми, чуть на выкате, глазами, коротко стриженный, с чубчиком. И год рождения подходящий, 1975-й, ровесник, можно сказать. И если сличить фото-

графию на этой ксиве с физиономией Клифта, чего обычно никто, кроме полицейских не делает, то выйдет, будто одно лицо. Не красивое, но и не безобразное, не броское, не слишком запоминающееся. Такая внешность характерна для тех, кто не любит привлекать к своей персоне внимания – секретных агентов, или, например, воров-карманников...

Фамилия, правда, подкачала, не очень-то благозвучная – Жабин. Но и Пузанёв нисколько не лучше. У Клифта даже в детстве кликуха была – Пузо. Но как-то, ни прижилась. Какое пузо может быть сперва у шустрячка-шкета, а потом у поджарого, вечно голодного зека? Когда овладел ремеслом карманника – уважаемой в воровском мире профессией, то и кличку себе выбрал под стать, солидную. «Клифт» на блатном жаргоне означает «куртка», «пиджак». В которых «лопатник», то есть бумажник, обычно хранится.

Обнаружив сходство с убитым, Клифт мгновенно сообразил, что судьба, едва не отправив его за решётку, вдруг смирлилась, и преподнесла ему шикарный подарок.

Про то, что гражданина Жабина грохнули в купе скорого поезда, никто, кроме киллера и его возможных заказчиков не знает пока. И когда на крупной узловой станции менты обнаружат некое тело с двумя пулями в сердце и справкой об освобождении из мест лишения свободы на имя Пузанёва Валерия Павловича, вора-рецидивиста, то мудрить шибко не будут, и спишут всё на криминальные разборки. Особых примет у Клифта нет – от татуировок, всех этих крестов да

куполов, умные люди уберегли, ещё по малолетке отсоветовали – зачем, дескать, клеймо судимого на всю жизнь, да ещё на видном месте? От шрамов Бог миловал. Никто карманника не пожалеет, по нему не заплачет. Родных не осталось. Так что опера, специализирующиеся на борьбе с карманными кражами, не без облегчения спишут одного из своих постоянных клиентов, удалят жулика по кличке Клифт из всех картотек и баз данных.

Рассудив так, Клифт стянул с не окоченевшего пока жмурика дорогой костюм, ботинки, оставив простреленную и окровавленную рубашку, и облачил в собственные шмотки – водолазку, ширпотребовский пиджачок, поношенные изрядно кроссовки. Затем обследовал подробно портфель. Вытащил из него кожаную папку с документами в пластиковых файлах, кучу глянцевых проспектов – мутотень, сплошные буровые вышки, трактора, железяки какие-то, и – о-о-о! – пачку пятитысячных купюр. Там же обнаружил смену белья, что-то по мелочи, вроде косметички, одеколona, набора авторучек. Портфель окажется кстати – негоже такому солидному пассажиру, в которого превратился отныне Клифт, без багажа, с пустыми руками ездить.

Дождавшись, когда с наступлением сумерек поезд остановился в Самаре, на крупной узловой станции с извечной беготнёй, суетой и неразберихой на перроне, подхватил труп и поволок – сперва в соседний вагон. Проводница, занятая посадкой, едва глянула на пьяных пассажиров, сходящих

с поезда. Мало ли их, поддавших крепко по причине дорожной скуки, по составу шатается – в вагон-ресторан и обратно?

Так что здесь Клифт чисто сработал.

И вот теперь он лежит на мягком диване в персональном купе, покачивается умиротворённо в такт движения поезда, и едет, едет... Чёрт, а куда он, собственно, едет? До конечной станции, до Южноуральска? Ни разу там не был. Почему бы и не осмотреть городишко?

Воры-карманники, как правило, не плохие актёры. Только роль им приходится играть чаще всего одну и ту же. Неуклюжего прохожего, то и дело в толпе на людей натыкающегося, или неловкого пассажира общественного транспорта, который, вместо того, что бы за поручень крепко держаться, болтается в салоне, как сосиска в кипящей кастрюле. То на одного пассажира навалится, то к другому прижмётся. Ну и, опять же, манеры должны быть обходительными. Дескать, хоть и недотёпа, а человек интеллигентный. Что бы каждый, глядя на него, думал: небось, и в метро о высших материях размышляет. Может, даже открытие мирового уровня готовит, от того и рассеянный. Но вежливый. Простите да ради Бога, извините! И никакой, естественно, фени, распальцовки бластной...

Так что для Клифта богатенького коммерсанта изобразить, или нефтяного магната какого-нибудь задрипанного – раз плюнуть. Тем более что денег у него, благодаря покойно-

му попутчику сейчас – как у дурака махорки. Доедет до Южноуральска, заодно и отдохнёт, отоспится в дороге. Всё-таки ремесло карманника нервное, сплошные стрессы, когда на дело идёшь. А там – в аэропорт, с такой-то железной ксией, и куда-нибудь подальше – в Новосибирск, Иркутск... Страна большая, и везде для Клифта с его золотыми руками работа найдётся.

Однако в Южноуральске, куда поезд подкатил в девять утра, Клифта ждал неприятный сюрприз. Его встречали.

Едва карманник сошёл с подножки, повесив по причине летней жары на одну руку пиджак, а в другой сжимая пузатый портфель, проводница указала на него пальцем кому-то:

– Вот он, товарищ из шестого купе!

У Клифта чуть ноги не подкосились. Приехал, фрайер самонадеянный. Менты уже ждут, на стрёме стоят. Сейчас подхватят, в наручники закоцают, и – наше вам с кисточкой!

Но навстречу ему бросились из толпы вовсе не менты, а два толстых, лысых гражданина, взопревших, судя по потным физиономиям, в своих чёрных погребальных костюмах:

– Юрий Степанович! Уважаемый! Мы рады приветствовать вас на гостеприимной южноуральской земле!

Клифт шарахнулся было в сторону, но вовремя спохватился, растянул губы в улыбке, промямлив невнятно:

– Э-э... я тоже... К сожалению, не имею чести...

– Я ваш заместитель по общим вопросам, Борщёв Николай Сергеевич, – представился один из толстяков, угодливо подхватывая из рук Клифта портфель. – А это – указал он на своего напарника, – заместитель генерального директора по связям с общественностью. Лисицын Алексей Николаевич. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Вещички

прикажете из купе принести?

– Я, знаете ли, люблю налегке путешествовать, – нашёлся Клифт. – В наше время шмотьё за собой таскать ни к чему. Всё, что нужно, можно купить. Были бы деньги...

– Хи-хи... – подтвердил новоявленный зам, и предложил, – пройдёмте на привокзальную площадь. Нас там автомобиль ждёт.

Напряжённо соображая, как бы вырваться из навязчиво-цепких объятий встречающих, и слинять только в одном ему ведомом направлении, Клифт шагал обречённо, как под конвоем.

На привокзальной площади троицу поджидал чёрный и торжественно-мрачный, как катафалк, «Мерседес» последней модели.

– Сейчас, Юрий Степанович, прямо в гостиницу. Нашу, ведомственную. Отдохнёте, покушаете, а потом в офис. Мы вам, хе-хе, личный состав компании представим. Не весь, конечно, а управленческий аппарат, – гулил в ухо Клифту, усевшись рядом на заднее сиденье, зам по общим вопросам.

Машина тем временем катила по широкому проспекту, застроенному современными высотками. Клифт с любопытством крутил головой. Город как город. Ничего особенного. Разве что наряду с золотыми куполами церковей тянутся к небу то здесь, то там, увенчанные полумесяцем мечети, – чувствуется дыхание Азии.

«Из гостиницы свинчу, – решил про себя карманник. –

Отправлю этих толстомордых конвоиров с глаз долой, и дёру».

Он отчего-то представлял гостиницу, в которой его пообещали разместить, в виде многоэтажки с длинными коридорами, множеством номеров, из которой ускользнуть незаметно – раз плюнуть. Однако ошибся.

Мерседес всё мчал и мчал, вырвавшись из автомобильной толчеи на загородное шоссе. Потом свернул на узкую, но тоже хорошо заасфальтированную дорогу, и покатил прямо к стоящему плотной стеной лесу.

«Ч-чёрт, – забеспокоился Клифт. – Сейчас завезут в чашу, и кокнут, раз первый киллер не справился! Этому Жабину, судя по всему, серьёзные пацаны приговор подписали. А я, как лох последний, подставился»...

Но тут впереди показался красно-белый полосатый шлагбаум, и расторопный охранник в чёрной униформе, выскочив из будочки, предупредительно поднял его, видимо, узнав машину.

При ближайшем рассмотрении гостиница оказалась просторным, рубленным из толстенных брёвен, загородным домом с верандой и широким, покрытым коричневой ковровой дорожкой, крыльцом. Территория, обильно засаженная благоухающими розами, тенистыми голубыми елями, была окружена высоченным забором, на вершине которого вращались с лёгким жужжанием видеокамеры наружного наблюдения.

«Хрен отсюда уйдёшь незамеченным, – грустно констатировал Клифт. – Придётся другого случая дожидаться»...

– Вот сюда, наверх, по ступеничкам, – объяснял ему, как слабоумному, зам по общим вопросам.

Поднявшись на крыльцо, вошли в апартаменты. Просторный холл, застеленный толстым, словно газон, ковром, располагающие к безделью и неге диваны, низкие столики с витиеватыми ножками – не для еды или канцелярской работы, на такие разве что бутылки со спиртным да бокалы ставить... На каждом шагу, низко кланяясь, Клифта встречала обслуга – смазливые девицы в белоснежных передниках, юноши в лакейских ливреях и круглых, на манер тубетеек, шапочках.

Наконец, пришли в номер, занимающий целое крыло чуждо-дома. Разбитная бабёнка – похоже, местная домоправительница, стареющая блондинка со следами былой красоты, продемонстрировала Клифту гостиную, в которой царил огромный, словно пещера Али-Бабы камин с вязанкой чистых, будто наждачной шкуркой отполированных, дров. Здесь же стоял телевизор с экраном величиною с автомобиль «Ока», столь же внушительных размеров музыкальный центр. Провела в спальную с широченной, скрытой за – подумать только, – балдахинном, что ли, кроватью, в рабочий кабинет, ванную.

– Располагайтесь, – радушно предложила домоправительница, и, подмигнув игриво, добавила. – Мы все в вашем рас-

поряжении. И готовы исполнить любое, самое изысканное, желание руководства...

Зам по общим вопросам тоже подсуетился:

– Отдохните с дороги, Юрий Степанович. Как только понадобится – позвоните, пулей примчусь. Вот моя визиточка с номером мобильного телефона... – Он сунул руку в один внутренний карман пиджака, в другой. Потом похлопал себя по боковым карманам растерянно. – Бумажник куда-то запропастился, а там визитки...

– Да ладно, – великодушно махнул рукой Клифт, – найду, в случае чего, как с вами связаться...

Кивая, словно китайские болванчики, заместители и домоправительница удалились из номера, пятясь. Видимо, не рискнули повернуться задом к такой важной персоне, как Клифт.

Оставшись один, Клифт оглядел ещё раз роскошные апартаменты, и очумело встряхнул головой. Воровская жизнь иногда оборачивалась к нему праздничной стороной, когда удавалось сдёрнуть особенно жирный, набитый «фанерой» (деньгами) лопатник.

Так случилось ещё в советское время, когда он «снял» с заезжего армянина бумажник с сорока тысячами рублей – по тем временам деньги огромные, на них квартиру кооперативную в Москве купить можно было. Или уже недавно, перед самой отсидкой, – на сто тысяч баксов одного лоха умыл. Ух и гульнула тогда нищая Россия! И номера роскошные, не такие, конечно, как этот, у нефтяников, в гостиницах столичных снимал, и банкеты для братвы в лучших кабаках московских закатывал. А что? Деньги – мусор, настоящий вор никогда по ним не ведётся. Как пришли на дурняк, так и ушли. Это нынешняя блатота на бумажки сраные западает. А Клифту, по большому счёту, всё равно. Он и на шконке в тюремной хате, и в таком вот фильдеперсовом гостиничном номере себя одинаково комфортно чувствует. Главное – душевное равновесие и понимание того, что всё преходяще. Сегодня ты весь в шоколаде, а завтра – в дерьме по самые уши. Надо быть всегда готовым к любому повороту событий. И фарт, и непруху принимать как должное, как две сторо-

ны одной медали, без отчаянья и истерик. Об этом же, между прочим, и священник на проповеди в зоне говорил. Батюшка это христианским смирением называл. Те, кто только на фарт рассчитывает, на то, что жизнь его непременно курчявой должна быть – гордыней страдает. А Бог – так понял Клифт, – не фрайер, он всех насквозь видит. Его на кривой не объедешь, не схватишь за бороду. И если сегодня жизнь катит, насунул, например, два толстенных бумажника (последний у зама по общим вопросам снял), в апартаменты вселился роскошные на халяву, то завтра непременно жди неприятностей. Того же, например, киллера.

К слову, этот парень в ментовской форме беспокоил всё-таки Клифта. Ведь кто-то ему гражданина Жабина заказал! А заказ, если подходить к делу чисто формально, не выполнен. Жабин-то жив-здоров, и приступил к исполнению своих нефтеносных обязанностей. А то, что под его личиной скрывается авторитетный в воровском мире вор-карманник, пока никому неизвестно.

Впрочем, надолго задерживаться в роли нефтяного магната Валерка Пузанёв не планирует. Отдохнёт чуток, бог даст, бабла срубит – и ищи ветра в поле. А паспорт покойного фрайерка Жабина уничтожит. Долго ли другой ксивой разжиться? Всего и делов – сунуть руку в карман затрапезного лепешка селянина какого-нибудь подходящих лет, за которым уж точно ни полиция, ни киллеры не гоняются...

Клифт потянулся, сбросил с себя пиджак, позаимствован-

ный у почившего в бозе Жабина, с удовольствием взвесил в руках две толстенькие пачки купюр, извлечённых из стуренных только за последние сутки кошельков, хмыкнул удовлетворённо. О деньгах пару-тройку ближайших месяцев можно не думать... А может, рвануть из этой блат-хаты прямо сейчас? Жадность, как известно, фрайера губит...

«Ладно, не дёргайся, – окоротил он себя. – Пользуйся, пока жизнь кучерявая катит...».

Сунул пачки денег во внутренний карман пиджака – самое ненадёжное, кстати, место, любой начинающий щипач оттуда их мигом вытянет, но если ты сам вор-карманник, то беспокоится не о чем. Ворон ворону глаз, как известно, не выклюет...

Клифт принялся разоблачаться дальше. Нужно принять ванную, побриться, морду одеколоном намазать, – что б, так сказать, соответствовать. Не мешало бы и бельишко нижнее поменять – хотя бы носки дырявые. В подобных гостиницах, если в шкафах порыться, наверняка чистенькие да новенькие трусы-майки припрятаны. Если уж понтоваться, то до конца!

Он прошёл в ванную комнату, посоображав минуту, разобрался в кранах и набуровил полную ванну, в какой не то что лежать в позе скифского покойника с согнутыми ногами, а даже побултыхаться можно, добавил из стоящих здесь же на полочках тюбиков и баночек шампуня, солей ароматических. Пена – шапкой, аромат – как в парикмахерской. Ски-

нул труссы, и плюхнулся, от удовольствия заурчав. Эх, всегда бы так жить!

Помывшись, вытерся огромным, как простыня, баннным полотенцем, набросил на плечи приготовленный здесь же махровый халат, и пошлёпал босиком в гостиную.

В этот момент в дверь постучали – тихо, деликатно.

– Войдите! – опускаясь в податливое кресло гундосо-барственным голосом, как представлялось ему, должны разговаривать большие начальники, разрешил Клифт.

В комнату, толкая перед собой никелированный столик на бесшумных колёсиках, тесно уставленный тарелочками с закусками, бутылками и вазой с фруктами, вошла горничная.

Была она молодая, смазливенькая, а блуждающая на полноватых чувственных губах шкодливая улыбка вселяла надежду, что она не только перекус может предложить. А эта молочно-белая, налитая, едва ли не до сосков обнажившаяся из-под передничка грудь...

Господи, ну можно ли посылать такие испытания мужику, полжизни, на безбабье, проведшему в зоне?!

Клифт громко сглотнул, едва не поперхнувшись слюной, оторвался от созерцания женской груди. И возведя ханжески взгляд к потолку, выдавил из себя приторно-сладко, кастратно даже, иначе не назовёшь:

– Ах, оставьте, дорогуша. Я сам разберусь...

Но как только горничная, или чёрт знает, как она здесь

называется, вышла, виляя бёдрами, прикрыв за собой двустворчатую, с узорами золочёными, дверь, цапнул прямо руками с тарелки кусок чего-то мясного,пряно-сладкого, жамкнул, слегка прикусив язык – блин, вку-у-снотища-а!

Торопливо, плеснув мимо фужера, налил красного вина, выпил, поперхнувшись большими глотками: ульк-ульк-ульк... Дребедень, кислятина. А что, интересно, водки здесь совсем уж не подают?

Поднял крышку с глубокой тарелки – а это что? Суп – не суп, хренотень какая-то с устрицами и креветками. Зачерпнул ложкой – сойдёт. Вроде ухи. Эх, к ней бы водочки!

Насытившись, вытянул из поданной на этом же столике пачки диковинную, зелёного цвета, сигарету, чиркнул позолоченной (а может, и золотой?!), зажигалкой, пыхнул ароматным дымком, зажмурился блаженно – живут же буржуи!

Покайфовав так, встал, обследовал номер. В шифоньере, как и предполагал, стопки новеньких трусов, белоснежных маек, носков, платочков. Всё ненадёванное, в целлофановых упаковках. На вешалках – рубашки, костюмы, и парадно-чёрные, как на похороны, и празднично-светлые. Туфли в коробках – они что, мать их, и размер Жабина знали? Или это у них на все случаи жизни, для любого постояльца, затарено?

Прошёл во вторую комнату – спальная. Кровать-аэродром с балдахином – Клифт такие только в кино видел, тумбочки, ещё какие-то мебели... Всё ясно. Дальше – гостиная

с камином, по стенам – полки с разными финтифлюшками, статуэтками. Потом присмотреться надо. Может, если такую статуэточку барыге толкнуть, неделю прожить хватит? А вот – кухня, должно быть. Стол, буфетная с посудой – сплошь хрусталь да фарфор, серебро с мельхиором, впрочем, Клифт в таких делах ни хрена и не смыслил – он же щипач, не домушник! Холодильник размером с гараж. Ух ты! Чего только здесь нет! Одних колбас и нарезанных, и палками, сортов двадцать. Да сыров столько же. А ещё баночки разные жестяные, стеклянные, какая-то жратва, в вакуумных упаковках – штабелями...

Он вдруг вспомнил пересыльную тюрьму в Соликамске, где ждал этапа месяца два ещё в восьмидесятые годы, хату на сорок человек, а из деликатесов, кроме «хозяйской» хавки – кусок сала солёного с полкило возле решки, кулёк слипшихся ландориков, да сухари из чёрного хлеба... Вот бы этот холодильник туда! Братва бы в конец охренела...

В дверь опять аккуратненько постучали... Явно не мусора, которые «брать» приходят, – успокоил себя, дёрнувшись было привычно, Клифт.

На пороге возникла всё та же пышногрудая горничная в белом, чуть ниже пупка, передничке:

– Юрий Степанович, звонили из офиса компании. Они за вами машину выслали. Там весь коллектив собрался – для представления...

– Через пять минут буду готов.

А про себя подумал: «Вот будет представление, если какая-нибудь падла в лицо настоящего Жабина знает!»

А потом решил: «Да хрен с ним! Раз такая масть привалила – надо рискнуть. На худой конец, за мной пока ничего криминального нет. Ну, в крайнем случае, морду набьют, как аферисту. В первый раз, что ли?».

Компания «Южуралнефть» располагалась в многоэтажном здании, выстроенном по современным архитектурным вкусам из бетона и зеленоватого стекла, а потому напоминала высоченную пивную бутылку, на горлышке которой штопором торчали раскидистые усы гигантских радиоантенн.

На входе Клифта встречали два толстомордых зама и вышколенная охрана в чёрной униформе, которая дружно вытянулась по швам и взяла под козырёк.

Мягко шамкнув металлическими челюстями дверей, бесшумный лифт вознёс стремительно троицу в офисное поднебесье – на шестнадцатый этаж.

Здесь Клифта, вернее, изображённого им Жабина тоже ждала выстроенная по ранжиру должностей компанейская челядь – мужчины и женщины, молодые и старые, спортивно-поджарые и раскормленно-брюхатые, но все с одинаковым выражением на лицах – восторженным и подобострастным. Они помахивали ему ладошками, как будто бы он был космонавт, вернувшийся после долгой вахты на околоземной орбите, и Клифт, глядя на их дорогие костюмы, прикинул с привычным восторгом, сколько в них покоится до поры лопатников, набитых плотно купюрами и кредитными картами!

А потому он с искренней радостью помахивал им руч-

кой в ответ, действительно чувствуя себя космическим первопроходцем на неизведанной, но богатой планете. Только стартовавшим в межзвёздное пространство не с земли, а гораздо ниже, из выгребной, можно сказать, ямы.

Его провели в просторную приёмную. На строгой табличке чёрным по белому было написано: «Юрий Степанович Жабин. Генеральный директор».

Секретарша Клифту сразу не глянулась. Он полагал, что у начальника такого уровня встречать посетителей должна была красавица вроде Анжелины Джоли, на худой конец Милы Йовович, а здесь – мегера преклонных лет, с поджатыми губами и сухая, как вобла.

Замы представили её как профессионала высочайшего класса. Имя тоже было под стать – Елена Львовна.

«Гиена Львовна, – тут же поправил их мысленно Клифт, и пообещал себе беспощадно, – выгоню к чёртовой матери!».

С тем и шагнул за порог собственного кабинета – огромного, как зал ожидания на столь любимом, удобном для работы щипача Казанском вокзале.

Здесь, напротив, всё соответствовало представлениям Клифта о подобных конторах, почерпнутых из видеофильмов. Огромное, во всю стену, окно с видом города с высоты птичьего полёта, подёрнутого зелёной пеной парков и скверов. Широкий, вроде теннисного, стол с письменным прибором – миниатюрный московский Кремль из розовой яшмы. Напольные часы в рост человека с тяжёлым, словно ку-

валда, маятником и кандальными позолоченными цепями. По стенам – портреты Путина, Медведева, и ещё неизвестного Клифту лысого хрена в очках. Наверняка тоже какого-нибудь главшпана.

За отдельно стоящим столом для совещаний восседало человек десять. Они дружно повернули головы в сторону вошедших, и разом встали, отодвинув тяжёлые кресла с высокими спинками и дружно зааплодировав, будто выхода любимого артиста дождались.

Один из толстоморденьких заместителей Клифта, Борщёв, вспомнилась кстати его фамилия, шагнул вперёд, и представил, как заправский конференсье:

– Наш новый генеральный директор Жабин Юрий Степанович! – и, выдвинув мягкое кресло на колёсиках в торце, во главе стола, указал на него Клифту, – прошу садиться!

Во многих кабинетах приходилось в своё время сиживать Валерке Пузанёву. Елозил задницей, бывало, на жёстких, обитых дерматином стульях в тесных комнатёнках следаков и оперов из угро, мостился на привинченных к полу табуретах в комнатах для допросов в следственных и штрафных изоляторах, бывало и так, что со скованными за спиной стальными браслетами руками кубарем с таких тубарей на пол слетал... Но ни разу в жизни не доводилось ему сидеть в таком удобном, будто по фигуре сработанном, кресле, да ещё во главе стола – словно самый авторитетный пахан на воровском сходняке. Сейчас бы, до начала тёрков, ещё

чифирчику хапнуть из эмалированной кружки, да чтоб края губы обжигали так, будто утюг целуешь!

Как вести себя с ментовскими следаками да зоновскими «кумовьями» Клифт знал отлично. Веди базар на любые темы, а что касается конкретного уголовного дела – полная несознанка. А вот о чём говорить с этими, сверлящими его преданными взглядами бандерлогами, он решительно не представлял.

Пауза грозила затянуться. Клифт откашлялся, а, потом вспомнив зоновского отрядного – старого, косноязычного майора-молдаванина, под чьим попечением он находился во время последней отсидки, нырнул, словно в ледяную прорубь:

– Добрый день, дорогие граждане... э-э, вернее, друзья, – начал он. – Я счастлив тем, что мне представилась возможность влиться в ваш... э-э... коллектив... мнэ-э... нефтяников! – Он замолчал, соображая судорожно, вспоминая всё, что слышал о нефти. Но, кроме того, что её качают, просверливая землю эдакими большими штукаами – буровыми вышками, кажется, а потом делают из неё бензин, – не вспомнилось ничего. Но Клифт не отчаивался: – Уверен, что нашими совместными усилиями мы сможем давать больше бензина... то есть нефти, стране!

«Эк, я загнул!» – откинулся он на спинку вальяжного кресла, а сидящие за столом опять дружно захлопали.

Воодушевлённый, Клифт шпарил уже, как по писанному:

– Ведь в чём, по большому счёту, заключается смысл нашего существования? Смысл нашего существования, граждане э-э... нефтяники, заключается в честном труде на благо общества! А что такое честный труд? Это, прежде всего, выполнение нормы выработки! То есть, производственного задания...

– Плана! – подсказал ему заместитель Борщёв.

– Ну да, плана. Выполнение нормы выработки – главный показатель того, что мы твёрдо встали на путь исправления... э-э... экономической ситуации, и сможем выйти на свободу с чистой совестью! («Что я несу?» – мелькнуло у него в голове, и Клифт тут же исправился.) – На свободные... э-э... мировые рынки! Вот! – не без удовлетворения тем, как удалось вывернуться, заключил он.

Ему опять захлопали – дружно, с воодушевлением.

– Ну хорошо, – пришёл на выручку Борщёв, – Юрий Степанович к нам прямо с дороги, с корабля, так сказать, на бал... На сегодня, думаю, достаточно. У нас ещё будет возможность подробно обсудить производственные вопросы с новым генеральным директором. Все свободны. Вы не возражаете, Юрий Петрович?

Клифт благосклонно кивнул.

Сотрудники с явным облегчением от того, что совещание не затянулось, а новая метла не принялась с ходу мести по-новому, дружно задвигали креслами, поднялись, и, создав на секунду лёгкий водоворот у двери, мигом покинули ди-

ректорский кабинет.

Остались два толстеньких зама – Борщёв, и второй, имя и фамилию которого Клифт напрочь забыл.

– Что ж, Юрий Степанович, смею заметить, что первое знакомство прошло успешно, – слегка кланяясь, подытожил Борщёв. – Думаю, вам и впрямь следует отдохнуть с дороги, перекусить... Может быть, в ресторан заедем поужинать? Точнее, – глянул он на часы, – пообедать?

«А бочата-то у него крутые. Тысяч десять баксов, не меньше. Если вон за ту защёлочку на браслете дёрнуть, то снять можно в секунду, и хрен он чего почувствует!», – отметил про себя Клифт, и, решив не рисоваться пока в людных местах, отказался:

– Я и впрямь притомился что-то. Давайте в гостиницу!

Уже направляясь к выходу из кабинета, они услышали в приёмной какой-то приглушенный шум, «охи» и «ахи».

Чувствуя себя пусть временным, но всё же паханом в этой конторе, Клифт решительно распахнул дверь.

Взору его представилась та же, вышедшая только что из кабинета, публика, только застывшая, похожая на группу мраморных статуй с заломленными руками – такую Клифт видел в Санкт-Петербурге, гуляя в Зимнем саду.

Все они смотрели на нечто, бывшее в руках у мужика в синей спецовке.

– А я чо?! – оправдывался тот. – Мне велено доставить, вот я и доставил. Всё же уплотчено!

Только сейчас Клифт, наконец, понял, что за предмет нянчил посыльный в руках. Это был траурный венок – дорогой, должно быть, пахнувший остро белыми розами, и ещё чем-то – то ли масляной краской, то ли церковным ладаном. Надпись на чёрной ленте крупными золотыми буквами читалась отчётливо: «Незабвенному Юре от безутешных родных».

– Эт... это что такое! – вскричал грозно Борщёв, и накинулся на посыльного, – сейчас же уходите отсюда! – и, повернувшись к Клифту, покачал головой. – Наверняка происки конкурентов, Юрий Степанович! Я сейчас же дам команду нашей службе безопасности – пусть разберётся!

– Ну-ну, – хмуро кивнул Клифт.

А про себя подумал: «Ни хрена это не происки! Настоящего-то Жабина и в самом деле грохнули! И тот, кто послал венок, об этом отлично знал».

8

На следующий день Клифт раньше других сотрудников прибыл в офис компании, вознёсся в свой кабинет, и до прихода секретарши решил осмотреть владения.

Стенка с полками, заставленными огромными, как фибровый чемодан, папками-скоросшивателями, на корешках которых красовались надписи вроде «Производственные показатели за 1 квартал 2014 года», или «Анализ налоговых отчислений в 2013 году», оставила его равнодушным. Рабочее место, уставленное огромным количеством телефонов разных моделей, мониторами и ещё какими-то хитроумными электронными штучками, не заинтересовало особо. Он выдвинул несколько ящиков стола – ничего интересного. Авторучки в футлярах, прочая канцелярская дребедень.

А вот комната отдыха привлекла внимание. Здесь всё располагало к неге и отдыху. Тигриная шкура на просторном диване, медвежья – на полу, низкий стеклянный столик с глянцевыми журналами. В укромном закутке – что-то вроде кухоньки с буфетной, газовой плитой, чайными и кофейными причиндалами. Здесь же – холодильник, не такой, конечно, как в гостиничном номере, но тоже весьма вместительный, набитый снедью. В том числе и разнокалиберными бутылками со спиртным.

Клифт только-только нацелился налить себе из поча-

той бутылки фужер дорогущего, должно быть, коньяка, как за спиной его деликатно кашлянули.

Он обернулся. Перед ним стоял тщедушный еврей весьма преклонных годов.

– Здравствуйте, Юрий Степанович. Я ваш заместитель по производственной части, Горовой Абрам Самуилович, – вежливо отрекомендовался он. – Извините, что без доклада. Вчера пообщаться не пришлось, вас быстренько... х-хм, увезли. Так я сегодня, с утра пораньше, что б никто не мешал...

– Да что вы! – радушно пожал сухую ладошку, а потом по-свойски приобнял его за плечи Клиф. – Какие между нами, производственниками, могут быть сантименты? Пойдёмте, поговорим, – и повлёл визитёра к дивану. – Пообщаемся, так сказать, в неформальной обстановке...

Присели.

– Ну и сколько этих, как их там... баррелей нефти мы накачали? – с места в карьер взял карманник. – В достаточном ли количестве обеспечили народное хозяйство нефтепродуктами?

Абрам Самуилович проницательно посмотрел ему в глаза, сказал со вздохом:

– Нефтепродукты – это переработка. А у нас сырьё... Послушайте, молодой человек. То, что вы в нашем деле, простите за резкость, ни бум-бум, очевидно любому. Ничего-ничего, – успокаивающе похлопал он по коленке дёрнувшегося,

было Клифта, – я привык. Давно привык к тому, что электроэнергетикой у нас рулят бывшие цветочные спекулянты, металлургией – фарцовщики, а нефтянкой – военные или бандиты. Пусть так. Раз в стране капитализм – я согласен. Я даже не спрашиваю, каким бизнесом вы занимались, прежде чем попасть к нам...

– Я? Э-э... финансовым! – нашёлся Клифт.

Абрам Самуилович покивал скорбно, прозорливо представив, должно быть, успехи собеседника на этом непростом поприще.

– Ну, пусть будет финансовый, – согласился он. – А потому я предлагаю вам такой уговор. Вы представляете, скажем так, официальное лицо компании. Встречайтесь с разными уважаемыми людьми, представителями власти, прессой. Сидите в президиумах на совещаниях, ездите на бизнес-форумы, симпозиумы и конгрессы, отдыхаете, развлекаетесь. Только в производственные вопросы не лезьте. Не морочьте голову себе и людям. А я, если потребуется, любую справочку вам представлю, любой проект приказа или распоряжения подготовлю – за вашей подписью. Договорились?

– Да без проблем! – легко согласился Клифт, и польстил, в свою очередь. – На вас, ветеранов, надежда особая. Вы, старая гвардия, ещё повоюете!

Абрам Самуилович удалился, а Клифт усевшись за начальственный стол, начал первый рабочий день.

Следующей посетительницей оказалась главный бухгал-

тер фирмы – дама солидная, лет пятидесяти, с вавилоном смоляно-чёрных волос над полным, холёным лицом.

Клифт хорошо знал этот типаж. Сколько таких дамочек он «пощипал» в своё время – не счесть. В общественном транспорте они для карманника, как правило – самое то. Войдут в салон – и на окружающих ноль внимания. Головку вскинут гордо, подожмут губки презрительно, стоят, по сторонам не глядя, о своём думают – о работе, семье, да чёрт их знает, о чём, а ридикюль – вот он. Замочек – щёлк, кошелёчек – цап. А в кошелёчке – денежки, да немалые. Купюры аккуратненькие, по отделениям бережно разложенные – тут соточки да пятисоточки, здесь пятидесяточки, а дальше тысячные да пятитысячные... Благодать!

А потому главбухше улыбнулся вполне искренне, как давней знакомой:

– Здрассьте, здрассьте, Дарья Сергеевна... Мечтал поближе с вами познакомится. Присаживайтесь, – и даже выскочил из-за стола, креслице пододвинул.

Главбухша, женщина, судя по всему, жизнью тёртая да битая, знавшая определённо, что каждый новый руководитель норовит, как правило, своего главбуха поставить, доверенного, а старого – в шею, держалась настороженно.

Положила перед собой гроссбух, раскрыла, и, нацелившись в него толстым коротким пальчиком с наманикюренным ярко-красным коготком, приступила официально:

– Я бы хотела, Юрий Степанович, для начала ознакомить

вас с общим финансовым состоянием нашей компании...

У Клифта аж зубы мудрости заныли.

– Дарья Сергеевна, мне характеризовали вас как специалиста высочайшей квалификации. Там, – возвёл он глаза к потолку, – вами довольны. Поэтому я знаю, что финансы компании – в надёжных руках... Если нужно подписать какие-то бумаги, я с удовольствием это сделаю.

Главбухша успокоилась, приосанилась:

– Не хотелось бы в первый день загружать вас текучкой... Но один документик вам подписать придётся, – промурлыкала она вкрадчиво.

И пододвинула ближе к начальнику несколько листочков, скреплённых степлером.

– Что это? – притворно озабоченно, хотя плевать ему было на содержание, поинтересовался Клифт, беря в руки бумаги.

– Приказ о том, что вы приступили к исполнению обязанностей, и в связи с этим – выплаты вам подъёмного пособия и зарплаты за первый месяц. Подпишите вот здесь и здесь, там, где галочки.

– И сколько мне полагается? – с деланным равнодушием поинтересовался он.

– Ну, поскольку нефтью мы торгуем в основном в долларовом эквиваленте, то и зарплату вам считаем в этой валюте. Ваша заработная плата составляет пятьдесят тысяч долларов в месяц, подъёмные в размере двух месячных окладов – сто тысяч. Таким образом, вам причитается сто пятьдесят ты-

сяч долларов. С надбавками – уральским коэффициентом, и прочими – около пяти миллионов рублей.

Если бы не подлокотники, Клифт мог бы свалиться с кресла.

– И... их-р-р... – сдавленно просипел он, не находя слов.

– Будут ещё и премиальные. За квартал и по концу года, – неправильно истолковав его реакцию, поспешила успокоить главбухша.

Клифт яростно замотал головой:

– Премиальные – их же ещё заработать нужно... – А потом наконец решился. – И... что? Когда я эти деньги смогу получить?

– Да хоть завтра. Сообщите мне, какая у вас карта, код, и мы сразу же перечислим всю сумму. В рублёвом эквиваленте. Можем какую-то часть и в долларах, евро – как прикажете.

– А... наличными можно? – выдохнул решительно Клифт.

– Всю сумму? – удивлённо подняла брови главный бухгалтер.

– Ну-у... Мне предстоят кое-какие расходы... – закрутился, словно карась на раскалённой сковородке Клифт. – Может, не всю, но... э-э... большую часть...

– С этим чуть посложнее. Но к завтрашнему дню я всё подготовлю, – заверила главбухша. – В какой валюте прикажете?

– Да в рублях можно. В рублях, родненьких, – с трудом

скрывая ликование, уточнил Клифт.

А про себя подумал: «Хрен я без этих бабок отсюда сляню!».

Всю оставшуюся часть дня Клифт изображал бурную деятельность. В основном по телефону.

Секретаршу он увольнять раздумал – та действительно оказалась хорошим помощником. Всякий раз, прежде чем соединить его с очередным абонентом, она чётко докладывала, кто и по какому поводу звонит. С некоторыми управлялась сама.

– Юрий Сергеевич, из налоговой звонили. Я им посоветовала по этому вопросу переговорить с Дарьей Сергеевной. Тренер детской хоккейной команды на приём к вам хотел попасть. Я его к Лисицину, к заму по связям с общественностью, направила...

Но кое с кем и соединяла.

Всякий раз, не без трепета берясь за телефонную трубку, Клифт выдыхал осторожно:

– Да?

Выслушав терпеливо собеседника, и не поняв ни слова из разговора, вопрошал одинаково:

– Ну, а вы-то сами как считаете? Во-от, в правильном направлении мыслите. Так и действуйте, я не возражаю...

К исходу дня он понял, что таким нехитрым образом мог, пожалуй, руководить не только любой компанией, но и страной.

Пару раз он удалялся в комнату отдыха, прикладывался к коньяку – ароматному, крепкому и, присев на диване, пускал дым в потолок.

В конце интенсивного дня ожил селектор на его столе, и объявил голосом секретарши Елены Львовны:

– К вам заместитель по связям с общественностью Лисицин Алексей Никанорович.

– Введите! – бабахнул расслабившийся было Клифт, но тут же поправился. – В смысле, пусть войдёт...

Тот вошёл – улыбочивый, угодливо-вкрадчивый. Чувствовалось, что улыбаться он начал ещё загодя, по ту сторону двери начальственного кабинета. Небось, когда хватился пропавшего бумажника, морду-то скособочил... А сейчас ничего, свыкся с потерей... А может, и новый кошелёк в карман положил?

– Как там наша общественность поживает? – уже освоившись вполне с ролью руководителя, покровительственно осведомился Клифт.

– Да по-разному, – уклончиво начал заместитель. – Вы же понимаете, что экономическая ситуация в стране и в регионе складывается не просто. Многие промышленные предприятия в области встали. Люди потеряли работу. На этом фоне социследования – наши, закрытые, естественно, фиксируют э-э... некоторые негативные тенденции отношения общественности к нашей компании. Дескать, многим, и в агропромышленном комплексе особенно, приходится затяги-

вать пояса, а нефтяники жируют. При этом сырьё – источник своего обогащения, качают из здешней земли-матушки, на которой ещё деды-прадеды местных аборигенов жили...

– Резон в таких мнениях есть, – согласился Клифт.

Лисицин утёрся платком:

– Уф-ф, запарился, такая жарыща на улице... Если б не кондиционер... Тут ведь смотря как, Юрий Степанович, к этому вопросу подойти. Без нас, нефтяников, эти деревенские лапотники ещё тысячу лет бы по земле родимой ходили, пахали да сеяли, перебивались бы с хлеба на квас. И не догадывались бы, какое добро в здешних недрах сокрыто. А как начали мы бурить да качать – сразу столько завистников появилось! Мы же налоги в бюджеты всех уровней сполна платим. Наша компания – один из главных налогоплательщиков области, бюджетообразующая, можно сказать! А понимание этого факта среди населения, я бы сказал, недостаточное. Опять же, газетки некоторые народ баламутят, общественность против нас, нефтяников, настраивают.

– И... что? – вяло поддержал мало интересующий его разговор Клифт.

– Следует усилить меры контрпропаганды! – вдруг по-военному чётко, даже пристав с кресла, отрапортовал Лисицин. – У меня тут планчик составлен, позвольте доложить?

– Это надолго? – без энтузиазма осведомился Клифт.

– Да нет, весь я не буду зачитывать, – правильно понял настроение шефа Лисицин. – Тут много специальных пунк-

тов для нашей пиар-службы... Вам в них вникать ни к чему. Пусть они сами на свой кусок хлеба с маслом, да ещё с чёрной икрой, зарабатывают. Я вас только проинформирую в общих чертах. Понадобится немного увеличить расходы, а Дарья Сергеевна, естественно, против...

– Валяйте, – обречённо разрешил Клифт.

Лисицин с готовностью раскрыл перед собой папочку, зачитал, шелестя страницами:

– Мы, Юрий Степанович, работу по укреплению имиджа компании давно ведём. Так, в газете областного правительства, в районных газетах на территориях, где базируются наши производственные мощности, постоянно публикуются материалы о достижениях нашей компании, о помощи учреждениям социальной сферы, о передовиках, ветеранах нефтяной отрасли. На трёх телеканалах, вещающих на всю территорию области, постоянно идут циклы передач того же содержания. Но всё это, скажем так, плановая работа. А нужны... мн-э-э... прорывные акции, способные вызвать широкий общественный резонанс. В позитивном ключе, естественно. Такие мероприятия нами разработаны. Смета дополнительных расходов прилагается. Планируется и ваше непосредственное участие...

– Это, пожалуй, лишнее! – отрезал Клифт. Не хватало ещё в видео хронику попасть!

– Простите, Юрий Степанович, но с такой позицией я

категорически не согласен! – продемонстрировал неожиданную настырность Лисицин. – Дело в том, что генеральный директор Южноуральской нефтяной компании в нашем крае – традиционно фигура публичная. Можно сказать, наш гендиректор один из творцов реальной политики в регионе. Компания имеет решающее слово при выборах депутатов различных уровней, да что там депутатов, в принципе, и самого губернатора! А сколько политических партий из наших рук кормится?! Сегодня в Законодательном собрании области, например, мы имеем мощнейшее нефтяное лобби, которое позволяет нам проводить выгодные компании законы, особенно связанные с разработкой недр, экологией. Когда мы принесём вам закрытые ведомости по расходам на поддержку общественно-политических организаций, всё сами увидите. К нам едва ли не вся местная оппозиция, все эти пламенные обличители режима, на брюхе раз в месяц за жалованием приползают...

«Линять надо отсюда...» – тоскливо подумал Клифт, не желавший вникать во всю эту муть, а потом вздохнул, словно крайне занятой человек, вынужденный заниматься пустяками:

– Давайте конкретные предложения. Где моё присутствие крайне необходимо?

Заместитель приободрился:

– На одном мероприятии из представленного плана ваше присутствие обязательно. Оно обещает привлечь повышен-

ное внимание общественности, а главное, средств массовой информации.

– Артистов каких-нибудь пригласите с концертами? – догадался Клифт. – Пугачёву, Галкина? Мне вот ещё группа «Лесоповал» нравится...

– Артисты тоже будут, – пообещал заместитель. – Мы их на празднование дня города через две недели подрядили. Но то мероприятие, о котором я говорю, должно подчеркнуть особо, что мы – социально-ответственная компания.

– О чём речь, не тяни, – окоротил заместителя Клифт. А сам думал с раздражением: интересно, ему, как руководителю, обязательно до шести вечера в кабинете парится? Или можно слинять пораньше? И что бы насчёт жратвы сообразить – в гостинице поужинать, там-то наверняка челядь подсуетится, или в ресторан какой-нибудь местный зарулить?

– Это мероприятие уже сегодня, – огорошил его Лисицин. – Поездка в детский дом с вручением подарков. Согласны?

Клифт, подумав для вида, кивнул благосклонно:

– Это дело хорошее... Кстати, насчёт ужина...

– Через полчаса выезжаем. – Предупредительно пояснил заместитель. – Там и поужинаем.

– В детском доме? – изумился Клифт.

– Да что вы! – всплеснул руками Лисицин. – Места там чудесные. Лес. Речка. На природе и перекусим...

К детскому дому, расположенному на окраине утопавшего в июльской зелени села, на бережке особенно широко раскинувшейся здесь глади степной реки, подъехали с помпой.

Вереницу автомобилей возглавлял торжественно-чёрный, огромный, как грузовик, джип – «Ландкрузер». В нём, овиваемые прохладной струёй воздуха из кондиционера, восседали Клиф и Лисицин. На переднем сиденье броне щитом застыл молчаливый охранник. Следом, пыля по просёлку, подкатила колонна разномастных иномарок и микроавтобус «Пежо» – с подарками детям и снедью для шефов по случаю предстоящего по поводу благотворительной акции банкета. На «Газели» подъехали бригады телевизионщиков.

Лисицин споро выскочил из машины, и поспешил к журналистам, торопливо вспарывающим замки – «молнии» кофров с аппаратурой, расставляющим на траве боевые треножники видеокамер.

Клифт, выбравшись из джипа, крутил головой, обозревая окрестности.

– Эх, Юрий Степанович, красота-то какая! – услышал он за спиной.

Оглянувшись, увидел второго зама, Борщёва.

– Нас, Юрий Степанович, встречают, – предупредил тот.

Клифт с интересом рассматривал находившийся в полу-

сотне метров детский дом. Явно постройки прошлого века, но крепкое ещё двухэтажное здание, рубленое из широченных, в два обхвата брёвен вековых лиственниц, с затейливой резьбой по наличникам окон, крашенных в весёленький голубенький цвет, с крышей, крытой бурым от ржавчины кровельным железом. На широком крыльце с деревянными столбами-колоннами застыла стайка детей и взрослых: две девочки в сарафанах до пят, кокошниках, с хлебом-солью, и несколько мужчин и женщин в строгих деловых костюмах и платьях. В сторонке, несколько на особицу – баянист заливчатского вида с инструментом на груди.

Трусцой, гремя разгрузкой, как солдаты, занимающие боевые позиции, деловито пробежали мимо телеоператоры, заняли господствующие на подступах к крыльцу позиции.

– Пойдёмте потихонечку, – предложил Борщёв.

С приближением гостей баянист рванул меха, и выдал переливчато мелодию, в которой Клифт не без удивления угадал «Свадебный марш» Мендельсона.

– Та, что впереди, заведующая детским домом Горячева Елизавета Ивановна, – нашёптывал между тем Борщёв. – Рядом – глава района, Антон Фёдорович Поршнев. Ну и мелочёвка разная – завотделом районного образования, учителя, воспитатели...

Заведующая детдомом – на удивление молоденькая, худенькая, стройная, сама не слишком отличавшаяся от старших воспитанниц, рдея щеками, шагнула навстречу гостям.

По кивку Борщёва угадав, кто в этой процессии главный, обратилась к Клифту:

– Дорогой Юрий Степанович! – запнулась, смутившись, поправила воздушно-белый шарфик на плечах, продолжила срывающимся голосом, как пионерка. – Мы все, в особенности наши дети, счастливы видеть вас на пороге нашего общего дома. Спасибо вам за внимание к нашим деткам, за подарки... – она окончательно сбилась, смутилась под пристальным взглядом не моргающих телекамер.

На выручку подоспел глава района – высокий, дородный, с тремя подбородками, уложенными один на другой и незаметно переходящими в жирную грудь, распирающую тёмный костюм-тройку:

– Глубокоуважаемый Юрий Степанович! Волнение заведующей детским домом понятно. Несмотря на значительную поддержку со стороны государства, органов местного самоуправления, которую мы оказываем этому учреждению, помощь нефтяников оказывается всегда кстати, и воспринимается с благодарностью. – Он искоса глянул на телекамеры, приосанился, и выдал, как по писанному, обращаясь к невидимой телевизионной аудитории. – Компания «Южуралнефть» является традиционным спонсором для всей социальной сферы района. Мы искренне благодарим руководство компании – он жестом указал в сторону Клифта, – в лице её руководителя, Юрия Степановича Жабина, за бескорыстную и неустанную заботу о детях, оставшихся без попе-

чения родителей. Вы обратили внимание, – на этот раз глава без утайки, честно и открыто смотрел в объективы телекамер, – что мы не называем содержащихся здесь детишек сиротами. Они не сироты. Они имеют заботливых и ответственных родителей, в роли которых выступают государство, муниципальные власти, а так же постоянные, социально-ответственные спонсоры вроде компании «Южуралнефть».

Репортёры, словно по команде, дружно сорвались с места, шустро выкатили рядком свои камеры, нацелились на Клиффа.

Тот, благодарно кивнув, принял из рук Лисицина папочку с заранее заготовленным текстом, и, посматривая то в неё, то глядя прямо в объективы – видел по телеку не раз, как это делали выступающие политики, выдал без запинки речёвку:

– Представители нефтяной компании «Южуралнефть» не временщики на этой земле. Наша компания является самым крупным налогоплательщиком в областной и районный бюджеты, что способствует росту благосостояния населения, создаёт новые рабочие места. Но, кроме этого, мы постоянно изыскиваем внутренние резервы, экономя порой на самом необходимом, что бы ещё чем-то помочь нашим гражданам – малоимущим, пенсионерам, детям и инвалидам. – Клифф оторвался от бумажки, просветлённо огляделся вокруг, представляя одновременно, как поможет ментам эта запись в изобличении его как мошенника. Но собрался духом, продолжил: – Вместе со всеми жителями этого благо-

датного, богатого недрами края, наша компания устремлена в будущее. А будущее, как известно, заключается в детях. Дети, у которых мы сегодня в гостях, нуждаются в особой, я бы сказал, отеческой заботе. Поэтому мы приехали не с пустыми руками. – Клифт обернулся к своей многочисленной свите, – что же вы медлите? Несите подарки!

Баянист, чётко уловив момент, опять врезал свадебный марш, вспугнув грачей, с гвалтом слетевших разом с высоких, как небоскрёбы, тополей во дворе, заматавшихся чёрными точками по белесому небу, и осыпавших гостей едкими, как известь, каплями помёта.

Глава района, брезгливо смахнув белоснежным платком серую кляксу с лацкана пиджака, обернулся к заведующей, растянув губы в улыбке:

– Ну что ж, Елизавета, приглашай дорогих гостей в дом!

Внутри здания бросалась в глаза чистенькая, примазанная свежей масляной краской, осветлённая побелкой, но всё-таки неистребимая до конца сиротская бедность. Она проглядывала предательски – то в стоптанных вкривь и вкось детских ботиночках в раздевалке, в латках на простынях застеленных ровно кроваток, в затёртых, истрёпанных до бумажной бахромы по краям, сшитых заново толстыми суровыми нитками, подклеенных книжках на полках библиотеки, слышалась в скрипнувшей некстати подгнившей половице под истёртым линолеумом.

Детишки – человек тридцать, чинно сидели на низких скамеечках в «игровой комнате», как пояснила заведующая, отличающейся от прочих обилием игрушек, акварельных рисунков по стенам, и толстым, с белесыми проплешинами, ковром на полу.

Увидев взрослых, ввалившихся гурьбой в «игровую», занявших собой едва ли не всё пространство, дети сжались на своих скамеечках, тараща глазёнки – нет, не испуганные, скорее смущённые от обилия незнакомых лиц. А потом, вспомнив наставления, или повинувшись неприметному знаку воспитателя, протянули вразнобой:

– Здра-а-вствуй-те-е...

У Клифта, отродясь не считавшего себя сентименталь-

ным, сердце вдруг болезненно сжалось. Полыхнули ярко, как фотовспышка, собственные воспоминания. Детский дом, похожий на этот, нет, не архитектурой, тот был городской, каменный, и от того ещё более холодный, а пронзительной, сиротской бесприютностью и тоской, будто намертво въевшейся в стены подобных богоугодных заведений. А ещё чувством неприкаянности, которую не могли вытравить ни ласковые нянечки, ни добрые воспитатели, хотя их, добрых да ласковых, на всех сирот всё равно не хватало. И эта сиротская тоска и неприкаянность сопровождали Клифта всю жизнь...

Ему вдруг потребовалось промокнуть украдкой повлажневшие уголки глаз, и что бы пресечь воспоминания, он произнёс громко, дрогнувшим-таки предательски голосом:

– Здравствуйте, ребятишки!

Полудурошный гармонист опять растянул меха с переливом, окончательно отсекая Клифта от прошлого, и он продолжил деловито и бодро:

– Я, хотя и не Дед Мороз, а подарки вам принёс...

И тут же засуетилась свита, открывая пакеты, коробки:

– А вот кому зайчика? Куклу Барби? Есть машинки и паровозики... Вот ранцы для школьников...

Дети вскочили, бережно принимали подарки, прижимали к груди.

И всё это – под объективами телекамер.

Потом визитёрам пришлось, поменявшись местами с ре-

бятней, высидеть на неудобных низеньких скамеечках ещё полчаса, в течение которых дети сбивчиво декламировали стишки, пели нестройно, танцевали, спотыкаясь и заплетаясь ногами.

У Клифта эта трогательная самодеятельность вызвала противоречивые чувства. С одной стороны, он понимал, как непросто этих «особых» детей, страдавших задержками психического развития, олигофренией, обучить всем этим простеньким текстам и нехитрым танцевальным движениям. С другой, вспомнил опять, как когда-то непостижимо-давно и его со сверстниками натаскивали так-то, заставляя петь да плясать, разучивать стихи к праздникам, разного рода «смотрим» и проверкам детдома комиссиями. А он тогда уже был вольнолюбивым и своенравным, не терпел малейшего принуждения, что и привело его, не желавшего подчиняться общепризнанным правилам по кривой дорожке в тюрьму. А то, что за всякую вольность приходится, в конце концов расплачиваться подневольностью, он сообразил тогда, когда уже поздно было...

А вот заведующая детским домом ему явно понравилась. И внешностью миловидной, беззащитностью хрупкой, и тем, что угадывался в ней всё-таки титановой прочности стержень, без которого невозможно, наверное, руководить подобным учреждением. Будь у него в подростковом возрасте такая заведующая в детском доме, он бы в неё непременно влюбился. Хотя... если можно подростку-недорослю, то по-

чему нельзя солидному, знающему жизнь сорокалетнему мужику? К тому же возглавляющему крупную нефтяную компанию?

«Ты не солидный мужик. И не богате́й-нефтянник. Ты – вор-рецидивист с пятью ходками на зону...» – окоротил себя Клифт, но на пламенеющую щеками заведующую, к которой жались, хватая ручонками за подол праздничного платья самые маленькие воспитанники, смотрел исподтишка с всё возрастающей симпатией и интересом.

Прощались на крыльце детдома как бы уже по-свойски, теплее.

– Приезжайте к нам ещё! С подарками! – кричала нестройно детвора, а Елизавета Ивановна, заведующая, пожала руку Клифту, и пояснила шепотком: – Не считите наших детишек нескромными... Они... такие непосредственные... Сегодня с вашими зайками да медвежатами спать лягут...

– И вы ко мне, если какие проблемы появятся, без стеснения заходите. Чем смогу – помогу, – предложил Клифт.

И ему отчего-то захотелось, что бы эти неотложные проблемы возникли как можно скорее.

Покинув двор детского дома, вереница джипов не свернула к шоссе, а потянулась по грунтовой дороге к пойменному лесочку неподалёку.

Переваливаясь на ухабах, задевая за ветви, автомобили через четверть часа выкатились на залитый предзакатным солнцем лужок. Чуть дальше блестела, отливая багровым, гладь затаившейся к ночи реки. Пахло тиной и рыбой. Квакали с переливами лягушки.

На сытой, тёмной от избытка влаги траве дымил костерок. Здесь же стояли накрытые щедро столы, на которых царили огромные, ведёрные, не иначе, сияющие бронзовыми боками самовары, и официанты, нелепо смотрящиеся среди пойменного кустарника в своей отутюженной белой униформе, с чёрными галстуками-бабочками, раскладывали приборы.

– Это место называется Лебяжий плёс, – пояснил Клифту освободившийся от журналистов зам по связям с общественностью Лисицин. – В усадьбе, где сейчас детский дом расположен, раньше, до революции, помещик жил. А здесь, на берегу, его любимое место отдыха было. Беседки стояли, купальни. Лебеди здесь гнездились. Даже экзотические, чёрные. Вся окрестная знать летом сюда, на плёс, съезжалась. Потом помещика, естественно, в шею. Советская власть объявила: всё лучшее – детям. И отдала эти чудные места под

детский дом. А мы планируем в будущем году базу отдыха здесь построить. Восстановить, так сказать, историческую справедливость...

Клифта усадили в центре стола. По правую руку от него разместились оба заместителя. По левую – глава района, и ещё двое в форме, с полковничьими погонами. Их представили как начальника райотдела полиции и местного отделения МЧС.

Такое соседство слегка напрягло Клифта, но он и бровью не повёл. Поднял на правах старшего хрустальную рюмку с водкой, повёл головой. Лисицин, как опытный тамада, встрепенулся мгновенно, вскочил, провозгласил с пафосом:

– Друзья! Не часто выпадают нам в напряжённых трудовых буднях минуты отдыха. И такого вот единения с природой. Но, как говорится, кто хорошо работает, тот хорошо и заслужено отдыхает. Правильно? Слово генеральному директору нашей компании дорогому Юрию Степановичу Жабину!

Клифт, уже поднаторев в речах, коих за последние сутки произнёс больше, чем за всю предыдущую жизнь, от тарабанил нечто дежурно-приподнятое, ввернув, кстати, вычитанное из корпоративного журнала что-то про нефть – кровь, несущую жизнь всей мировой экономике. Звякнул краешком рюмки со всеми, протянутыми к нему, хрустальными бокалами, выпил, и закусил солёным грибочком. Ткнулся вилкой во что-то изысканное, безумно-вкусное, лежащее гор-

кой перед ним на тарелке, потом нацелился на морепродукты – осклизлые, с щупальцами, но тоже ничего. А после, с короткими перерывами на очередной тост, с неизменными славословиями в свой адрес, которые произносили все, даже начальник полиции, уплетал за обе щеки порезанного кольцами осетра, шумно хлебал, утирая вспотевший лоб, уху из стерляди, заправленную вместо пшёнки чёрной икрой, закусывал зажаренным до негроидно-коричневой корочки молочным поросёнком, кусками шашлыка – прямо с шампура, с зеленью, резаным тонко репчатым луком и кислым ткемаливым соусом.

Передыхая от обжираловки, Клифт откинулся на спинку пластикового кресла, расслабил на шее галстук, закурил, оглядывая сыто стол, и вспомнил вдруг другие столы, за которыми чаще всего приходилось сидеть ему в жизни. Длинные, обитые оцинкованным железом в колониальных столовых, с алюминиевым бачком харча на десятерых, пайкой серого, спецвыпечки, хлеба – четвертушкой буханки, да эмалированной кружкой мутной бурды, именуемой у «хозяина» чаем.

Лисицин, поднявшись из-за стола – распаренный, красномордый, – махнул рукой куда-то в сторону леса, и тут же в сгустившихся сумерках из чащи выкатились музыканты – да не какие-нибудь балалаечники-гармонисты, а во фраках, со скрипками да виолончелями, подставками для нот... как их... пюпитрами, что ли? Расселись быстренько на расклад-

ных стульчиках, взмахнули смычками, и...

– Как упоительны в России вечера...

Любовь, шампанское, закаты, переулки...

Балы, красавицы, лакеи, юнкера,

И вальсы Шуберта, и хруст французской булки...

Как упоительны в России вечера...

Это уже певец выводил – статный, рослый, с мощной, не прокуренной грудью.

И Клифт поддался всеобщему настроению, соглашаясь легко, что, действительно, чёрт возьми, упоительны вечера в России, когда жрёшь жареных поросят с заморскими каракатицами, а не хлебаешь баланду из алюминиевой миски. И если уж кто достоин из всей этой гоп-компании, насладиться заслуженно сегодняшним вечером, так это он, столько переживший и натерпевшийся уголовник...

– Симфонический квартет. Академический, – хвастливо, будто сам с музыкантами на скрипках пиликал, шепнул Ли-сицин. – Им Бетховена, или, к примеру, Шопена какого-нибудь сбачать – раз плюнуть. На их концерты билеты народ за полгода вперёд раскупает. Из тех, кто в такой музыке шурупит, естественно. А мы только свистнули – вмиг прибежали.

Клифт, обратив на музыкантов хмельной взор, гаркнул, перекрывая мелодию:

– А «Мурку» смогёте?!

– Смогём! – не моргнув глазом, склонился в полупоклоне

певец, и кивнул музыкантам. Те – две барышни в длинных, до пят, чёрных концертных платьях, и два мужика того же благородного вида – во фраках, белых манишках, с гривами седых, в артистическом беспорядке всклокоченных волос, разом резанули по струнам смычками:

– Или тебе, Мурка,

Плохо было с нами,

Или не хва-а-атало барахла?

Уже совсем стемнело, когда Клифт выбрался из-за стола, и вышел, ступая по росистой траве, на бережок.

Туманьясь, катила в кудрявой лесистой пойме река, подзадоренными не слыханными раньше здесь скрипками, завели свои песни лягушки, квакая особенно страстно, будто доказывая, кто в этом доме настоящий хозяин. Стремительно бросались с окрашенных багровыми отблесками заката небес на тёмную воду припозднившиеся чайки, а потом взмывали, выходя из крутого пике, с добычей – мелкой рыбёшкой.

– Эх, хорошо-то как, Господи, – вздохнул, расправляя жирную грудь, Борщёв. – Хоть офис перенеси сюда! Будущим летом, – обернулся он к Клифту, – мы здесь основательно обоснуется. Постоим турбазу, лодочную пристань, баньку. А ваш персональный коттедж на месте детского дома поставим. Старое здание с фасада подновим, что бы колорит усадьбы помещицкой сохранить, а внутри наполним, так сказать, современным содержанием. От города здесь недалеко,

дорогу проложим, заасфальтируем. Полчаса – и вы в тишине, на свежем воздухе.

Клифт недоумённо воззрился на заместителя по общим вопросам:

– А сирот куда? Новый дом им построим?

– На кой?! – возмутился Борщёв. – Мы никому ничего строить не обязаны. Наша компания, как социально-ответственное предприятие, налоги в бюджеты всех уровней исправно платит, спонсорскую помощь учреждениям социальной сферы оказывает. Например, вот эта благотворительная акция нам в двадцать три тысячи долларов обошлась...

– Дороговато нынче плюшевые мишки стоят... – заметил мимоходом Клифт.

– У меня всё подсчитано, – с хмельной обидой взвился заместитель. – Тысяча долларов – на подарки сиротам, две тысячи – журналюгам, да двадцать тыщ баксов – на банкет. На лоне природы. А что? Заслужили!

– Ну-ну, – поражённый такой арифметикой, кивнул хмуро Клифт. – Игрушек сиротам на тысячу долларов подарили, а пропили по этому поводу – двадцать... А детдом-то куда всё-таки денете?

Борщёв, отвернувшись к реке, расстегнул ширинку, помогился шумно, с бульканьем, в воду. С визгом застегнул молнию:

– Да нам-то с вами до этого, что за дело, Юрий Степанович! Ну, перебросят здешнюю ребятню в другие приюты. Я,

дело прошлое, когда год назад впервые сюда приехал, на это место сразу глаз положил. Природа первозданная, и город под боком. С главой района провентилировал этот вопрос. Ему, между прочим, детский дом на его территории муниципалитета на хрен не нужен. Головной боли, мороки много, и никакого навару. Потом мы с ним эмчезсников подключили. Ну, заплатили кое-кому, естественно. У каждого в таком деле свой личный интерес должен быть. Они и давай землю рыть, предписания строчить. Дескать, детский дом расположен в пожароопасном здании, ветхом, деревянном, позапрошлого века постройки. Ну, там ещё много чего – проводка, противопожарная сигнализация, отделочные материалы. Короче, о детях мы позаботились. Теперь проще новое здание построить, чем в этом все недостатки устранить. В итоге добились постановления о закрытии этого богоугодного заведения. Надеюсь, что уже к осени участок освободится, будет выставлен на торги, ну а приобрести его нашей компанией – дело техники. Эта система у нас хорошо отработана.

Клифт слушал, курил духмяную сигаретку, затягиваясь глубоко, до треска, и радовался, что в темноте собеседник не может видеть его лица.

А оркестр всё надрывался в кустах:

– Вино, шампанское, лакеи, юнкера...

Как упоительны в России вечера...

Банкет продолжался.

На следующий день случилось, наконец, то, ради чего Клифт столько времени терпел этот цирк со своим превращением в нефтяного магната. В кабинет к нему вошли главбухша с кассиром, и не без усилия водрузили на приставной столик чёрную спортивную сумку.

Дарья Сергеевна широким жестом, словно фокусник, растегнул металлический замок-молнию, и указала наманикюренным пальчиком на толстенные пачки купюр, заполнивших до отказа объёмистое нутро:

– Подъёмные, зарплата, квартальная премия... Как вы распорядились, наличными. Пришлось вчера всю выручку «Нефтепромбанка» выгрести. Поэтому купюры в пачках разного достоинства. Всего пять миллионов отечественных рублей. Будете пересчитывать? – улыбнулась она.

– Да что вы, – осклабился, в свою очередь, Клифт. – Спасибо, выручили. Деньги мне, скажу откровенно, понадобились для одной конфиденциальной сделки... не хотелось бы оставлять следов перечислениями со счёта на счёт... ну, вы меня понимаете...

– Конечно, – заговорчески подмигнула главбухша. Кому же, как не ей, в конце концов, в таких махинациях знать толк!

Клифт с деланным равнодушием подхватил сумку

и небрежно пихнул под стол – подальше от любопытных глаз.

«Вот и всё», – подумал он буднично. – «Сейчас покручусь здесь для виду с пол часика, и – на вокзал. Только меня и видели!».

Отсидев это время как на иголках, он секунда в секунду надавил на кнопочку селектора, и скомандовал Гиене Львовне:

– Машину мне. Я тут отъеду по делам ненадолго...

Подхватил сумку, и, кренясь слегка на бок под тяжестью денег, покинул свой кабинет.

На выходе из здания его уже ждал чёрный джип-катафалк, и персональный водитель, Серёга, (имя он узнал давеча), предупредительно попытался подхватить саквояж.

– Ничего, своя ноша не тянет, – отмёл его попытку Клифт, и поставил сумку под передним сиденьем, себе под ноги.

– Куда едем? – со свойственной всем шоферам фамильярностью полюбопытствовал водитель.

– Давай в аэропорт! – решительно распорядился Клифт.

Возвращаться в гостиницу он вовсе не собирался. Всё, как говорится, было при нём – даже «сдёрнутые» у Лисицина с Борщёвым бумажники. Вернее, деньги, бывшие в них. Бумажники-то он, не будь дураком, давно выкинул...

«Голому собраться – только подпоясаться!», – веселился в душе Клифт. – Сейчас отошлю водилу, куплю билет на первый попавшийся рейс, лишь бы отсюда подальше, и – наше вам с кисточкой!

Сви́репая машина быстро промчалась по улицам, нарушая все мыслимые правила дорожного движения, легко пересекала автомобильный поток, и вскоре оказалась на загородной автотрассе. По сторонам потянулись лесопосадки, за которыми скрывались дачные массивы и новые, элитные посёлки.

– Мы вчера в детский дом по этой дороге ехали? – полюбопытствовал у водителя Клифт.

– Так точно! – охотно отозвался тот. – Сейчас впереди поворот на право, а там километров пять – и Лебяжий плёс. Говорят, наша компания там турбазу собирается строить...

Клифт вспомнил вчерашний пир «на лоне природы», и бросил, даже для себя неожиданно:

– А ну-ка сверни!

Через четверть часа джип въехал во двор детского дома. Там как раз играла младшая ребятня. Несколько детей постарше осваивали на узком заасфальтированном пяточке подаренные нефтяниками роликовые коньки.

Заведующую Клифт углядел сразу. Она живо руководила обучением, подхватывая то одного, то другого «конькобежца» под руку, и следя, что бы он ни расквасил нос. Клифт подумал, что Елизавета Ивановна похожа на берёзку – стройная, худенькая, в этом белом, с какими-то легкомысленными цветочками платье.

Завидя «крутую тачку», заведующая шагнула навстречу незваным гостям.

Клифт вышел из машины, и, улыбаясь глуповато, пожал протянутую руку:

– Здравс-с-сьте, Елизавета Ивановна... – и, предвосхищая возможный вопрос, добавил: – Мы с вами вчера так толком и не поговорили...

– А о чём разговаривать? – заведующая держалась подчёркнуто сухо, официально. – Мне сегодня уже предписание вручили о закрытии детского дома. А здесь, говорят, какой-то богатый нефтяник усадьбу помещичью восстановит. Уж не вы ли?

– Да никогда в жизни! – зарделся вдруг, как пацан, Клифт. – Я вообще не при делах!

– А кто тогда при делах? – язвительно заметила Елизавета Ивановна. – Восемьдесят лет детский дом здесь стоял, и никаких особых нареканий не было. А сейчас разом все навалились: и пожарники, и разные обр-сан-чёрт знает какие надзоры... Да вы поймите! – вспыхнула она, – Это же особые дети. Шансы, что их усыновят – минимальные. Все хотят умненьких да красивеньких, в крайнем случае – работающих. А эти ребята – инвалиды с детства. Им, скорее всего, до конца жизни по специнтернатам для умственно неполноценных жить предстоит. А тут ещё вы детство у них отнимаете...

– Их, говорят, в другие учреждения переведут... – будто оправдываясь, вставил несмело Клифт.

– Да нельзя их никуда переводить! Это для них такой стресс, такая трагедия! Они здесь адаптированы по макси-

муму... Когда их по достижении восемнадцати лет забирают, у меня сердце кровью обливается. А эти... Они ж несмышлёныши совсем!

Клифт пошарил в кармане пиджака, достал сигареты.

– На территории детского дома курить запрещается! – отчеканила Елизавета Ивановна.

Клифт указал на тропинку, ныряющую через калитку в заборе из сетки «рабица» в пойменный лес:

– Прогуляемся?

Вековые дубы, смыкаясь над головами, создавали здесь тень и прохладу. Из-за близости реки тропинка влажно пружинила под ногой. Стрекотала скандально потревоженная кем-то сорока.

– Сколько денег нужно, что бы исправить все выявленные этими проверяльщиками нарушения? – деловым тоном осведомился Клифт.

– Три миллиона рублей. Минимум. Но таких денег никто нам не даст, – понурясь, призналась Елизавета Ивановна.

Клифт в три затяжки высосал сигарету, старательно раздавил каблуком окурок, легонько тронул заведующую за плечико:

– Пойдёмте...

Вернувшись во двор, он свистнул водителю, старательно елозившему тряпкой по лобовому стеклу:

– Серёга! Тащи сюда мою сумку.

Когда тот подошёл, с заметным напрягом волоча саквояж,

передумал:

– Поставь её вон там, на крылечке.

И когда шофёр отошел, шепнул Елизавете Ивановне:

– Там пять миллионов рублей. Наличкой. Берите, и тратьте на всё что нужно.

Та потеряла на мгновение дар речи, а потом залепетала сбивчиво:

– Ой, а как же... Спасибо... Я прямо не знаю...

А потом порывисто обняла Клифта и звучно чмокнула его в щёку.

– Да ладно... Ничего... Не обеднеем... – конфузливо про-
бормотал тот, и рванул дверцу джипа, скомандовав вернув-
шемуся шофёру:

– Поехали!

– В аэропорт? – живо осведомился тот.

– Нет. Не в этот раз. Давая назад, в контору.

Хмыкнув каким-то своим мыслям, отвернулся, и всю до-
рогу смотрел в боковое окно.

Пришлось Клифту задержаться в компании ещё на какое-то время. Жил он здесь как при коммунизме, на полном бесплатном обеспечении. В гостинице его кормили, переодевали каждый день в чистое бельё и рубашку, и денег не спрашивали. Костюмы, туфли – как в магазине, рядами висят да стоят, подходи, выбирай. Куда торопиться? Глядишь, ещё денюжат подгонят, тогда и рванёт...

Удивительно, но только здесь, мотаясь по буровым, он впервые осознал по-настоящему значение слова «воля».

У зеков оно означало всё, что находилось по внешнюю сторону забора, опутанного колючей проволокой и спиралями «егозы», с вышками по углам периметра.

Но оказалось, что воля – это когда горизонт перед тобой – на сотни километров вокруг, но и там, где рыжая, выжженная палящим зноем степь сливается с белесым, безоблачным небом, пространство вовсе не сворачивается, не кончается, а тянется на юг, как объяснили здешние старожилы, через Казахстан до Монголии и Китая. И ты, в принципе, можешь, если появится такое желание, отправится в путь по этой огромной, воистину бескрайней степи, где редки людские поселения, и гуляет лишь тугой, жаркий полуденный ветер, шевеля реликтовый ковыль и спелые колосья налитой солнцем пшеницы.

Будучи по происхождению горожанином, Клифт, конечно, знал, что не на деревьях булки растут, что хлеб растят крестьяне, но представлялись они ему разве что по фильмам Шукшина да редким теперь кадрам телевизионной хроники, и казались если не простодушными недоумками, то уж недо-тёпами-неудачниками точно. И то – станет ли современный «продвинутый» человек ломить всю жизнь, без роздыха, вы-ходных и праздничных дней, по колено в навозе, по локти в грязи, получая за свой труд столько, что бы только не сдох-нуть с голоду, и опять – из года в год, пахать, сеять, убирать, выгрести да таскать...

Здесь, в целинных краях, степь, насколько хватало глаз, была словно позолотой покрыта – то сияла под солнцем поспевающая пшеница. Однако то там, то сям на этом перели-вающимся под ветром янтарном, светом напоённом, море, грязными пятнами выделялись делянки с буровыми качал-ками-вышками. К ним, взрезая поля, тянулись грунтовые, убитые в распутицу дороги с глубокими, как раны, разъез-женными колеями, оставшимися от тяжёлых КАМазов-бой-леров. Земля вокруг буровых была мёртвой, пропитанной маслянистой нефтью, с содранным безжалостно до самой глины чернозёмным слоем, где ничего живое не сможет про-израстать на века.

– Жалко, – подъехав к буровой и выбравшись из джипа, покачал головой, ступая по остро пахнувшей нефтью грязи лакированными штиблетами, Клифт.

– Да, тут впору сапоги резиновые одевать, – поддакнул пыхтящий с одышкой рядом Борщёв.

– Да я не о ботинках. О природе, – поморщился Клифт.

– Природа, Юрий Степанович, на благо человека должен работать, – убеждённо возразил заместитель. – Вся наша цивилизация на нефти держится. А это, – обвёл он рукой пространство вокруг, – пейзаж, одна видимость. Растительность, считаю, вроде плесени на поверхности нашей планеты. А всё самое ценное – в недрах...

Клифт, безглаголиво ступая по останкам убитой нефтью травы, хмыкнул угрюмо:

– Я вон по телевизору передачу видел – оказывается, человечеству не сорок тысяч лет от рода, как раньше считали, а сотни тысяч, если не миллионы. И всю эту прорву времени человек прекрасно обходился без нефти. А вот без еды, без мяса, хлеба, растительности этой, которую вы плесенью называете, без воды и нескольких дней не протянет – копыта откинёт от голода и жажды. И что в итоге важнее: поля вот эти с пшеницей, реки чистые, или нефть, которая чёрные кляксы на всём оставляет, травит и убивает?

Заместитель покосился неодобрительно на шефа, вздувавшего произносить вдруг такие крамольные для любого нефтяника речи, а потом, сообразив мудро, что начальство имеет право и на такие вот чудачества, хохотнул примирительно:

– На наш век рек, полей и продовольствия хватит.

Не мы же сами, в конце концов, эту нефть сжигаем. Гляньте, что в городах делается. У каждого – машина под задницей. От автомобилей уже не по улицам ни проехать, ни по дворам не пройти. Уже все деревья повырубили к чёртовой матери под автостоянки. Так что мы лишь потребности общества в энергоресурсах удовлетворяем. А потомки пусть выкручиваются, как хотят. Изобретут что-нибудь с голодухи. Белки синтетические. Или, я вон недавно вычитал – червячков разводить и жрать станут. Питательная, говорят, пища! В любом случае, то не наша с вами забота.

Равнодушно осмотрев вблизи вышку, поздоровавшись за руку с замурзанными, перепачканными с ног до головы нефтью буровиками, Клифт, придав лицу сосредоточенное, понимающее выражение, выслушал их, кивая согласно, а Борщёв, достав блокнот, записал какие-то данные, непонятные для Клифта – о дебете скважины, давлении, ещё какой-то технической хрени.

Через четверть часа, забираясь в чистое и прохладное, овейанное кондиционером нутро джипа, Борщёв предложил вдруг:

– А давайте, Юрий Степанович, новое месторождение осмотрим. Недалеко, километров двадцать отсюда. Наши разведчики недр определили: нефтеносные слои там богатейшие. Но земли пока не наши. И о том, что там нефть залегаёт, знает лишь ограниченный круг лиц. И нам предстоит, пока конкуренты не расчухались, это чёрное золото к рукам

прибраться.

Джип мчался, оставляя за собой лисий хвост рыжей пыли, по просёлочной дороге, вдоль которой расстилались до горизонта поля пшеницы, подсолнечника. Вскоре впереди показалось по степному вольготно раскинувшееся село, застроенное заметно обветшавшими домиками, с тенистыми палисадниками, огородами да баньками на задах.

– Давай к правлению! – приказал шофёру Борщёв.

По разбитому, разошедшемуся будто асфальту, переваливаясь мягко на колдобинах, распугав кур и гусей, автомобиль подкатил к двухэтажному зданию с белёными кирпичными стенами и крупной, издалека читаемой табличкой у входной двери: «Закрытое акционерное общество «Колхоз Рассвет». Здесь же стоял на приколе заляпанный по самую крышу «Уазик».

– Вот и хорошо. Директор на месте, – кивнул на выдавший виды вездеход Борщёв.

Пройдя через безлюдный вестибюль правления, с многочисленными дипломами, грамотами в рамочках по стенам, неременной доской объявлений и толстыми снопами пшеницы (а может, и ржи, Клифт в злаках не разобрался), поднялись по обшарпанной лестнице на второй этаж. По распахнутой настежь двери безошибочно угадали приёмную.

Место секретарши пустовало. Гости беспрепятственно прошли в кабинет директора.

Навстречу им шагнул высокий, с копной плохо расчесан-

ных кудрей, голубоглазый человек в белой рубашке с короткими рукавами и джинсах.

– Привет колхозникам! – поприветствовал его Борщёв и представил: – Генеральный директор нашей компании Юрий Степанович Жабин.

– Виктор Николаевич Колесов, – протянул руку хозяин, и указал радушно на приставной столик: – Располагайтесь!

Клифт, не имея ни малейшего понятия, о чём следует вести разговор, сел, приосанившись, и выжидательно глянул на зама. Тот поинтересовался солидно:

– Как, Виктор Николаевич, без хлеба в нынешнем году не останемся? Мы тут помотались по полям – вижу, посевы жара подсушила.

– Есть маленько, – согласился Колесов, – но в основном у тех, кто хозяйствовать на земле не умеет. – И принялся объяснять увлечённо. – Надо же с умом сеять, сорта пшеницы подбирать. У нас из каждых пяти лет, как правило, три года засушливых. Азия! Зимой снег с полей в овраги сдувает, промерзает всё – озимые не родятся. Летом дождя не дождёшься. Одним словом, зона рискованного земледелия. Так я большую часть полей «Варягом» засеял. А «Варяг» знаете, что за сорт? Он путём скрещивания с афганской пшеницей получен. Что за климат в Афганистане – понятно. Та же жара, суховеи, нехватка влаги. Но растёт! И я даже в самый засушливый год с «Варягом» пятнадцать центнеров с гектара возьму!

– Научное земледелие – это, брат, сила, – с важным видом согласился Борщёв.

– А то! – азартно подхватил Колесов. – И всё же подобрать засухоустойчивые сорта – ещё полдела. – Он поднялся порывисто, подошёл к столу, стоявшему отдельно в углу кабинета. – Вот, полюбуйтеесь!

Гости подошли, посмотрели. Клифт непонимающе вздрогнул на привядшие, с комочками грязи, присохшей к корням, стебли с зелёными, невызревшими ещё колосками, разложенными аккуратно, рядом на белом ватмане.

– Видите? – победно глянул Колесов, указывая пальцем на корешки. – Вот этот – тонкий, ломкий, как спичка. Колос – в зачаточном состоянии. На этом поле и убирать нечего будет. Считай, сгорело всё к шутам. А почему?

– Почему? – что б ни молчать, выдавил из себя Клифт.

– Да потому, что этот фермер, на чьём поле я этот колосок вырвал, заделал семена в почву всего на глубину два-три сантиметра. А температура поверхности земли при нашей жаре – под шестьдесят градусов! Вот всходы и поджарились, как на сковородке!

– Надо же, – сочувственно чмокнул губами Клифт.

– А теперь вот сюда посмотрите, – предложил Колесов, указывая на другое растение. – Корешок разветвлённый, кустистый. Стебель мощный, колос развитый, налитой, полностью. В нём... раз, два... – принялся считать он, – шестнадцать зёрен. Значит, урожайность – шестнадцать центне-

ров с гектара.

– А это с чьего поля? – неожиданно для себя заинтересовался Клифт.

– С моего, естественно, – не без гордости хмыкнул хозяин кабинета. – И, учтите, что ни на этом поле, – пренебрежительно ткнул пальцем на худосочный стебель, ни на этом, – огладил он нежно налитой колос, – за лето ни капли дождя не выпало! А знаете, в чём разница? В том, что я семена на пять – семь сантиметров заглубил при посеве! Вот они от жары и не пострадали!

– Да уж, – уважительно кивнул Клифт, – дело мастера боится...

– Земледелие – это искусство, – чувствовалось, оседлал любимого конька Колесов. – Ну, скажем, как живопись... или способность музыку сочинять. Не каждому дано. – И покровительственно похлопал Борщёва по плечу. – Это вам не нефть качать. Пробурил дырку в земле, и черпай!

– Ну-ну, – нахмурился Борщёв. – Нефть добывать – это тебе не лаптем щи хлебать! Тут тоже, знаешь ли, умение нужно.

– Да только нам за наши таланты копейки платят, – подсадовал Колесов, – так, что хозяйство едва концы с концами сводит. А вы, нефтяники, в шоколаде. Знаете, солярка нынче почём? А, ладно, – махнул он рукой. – Пойдёмте, пообедаем.

– Отчего ж не пообедать? – охотно согласился Борщёв. – У нас в багажнике, водочка заначена...

– Из нефти? – подколол Колесов.

– Да что ты! – всплеснул руками Борщёв, – Из самой что ни есть настоящей пшеницы! Может быть, даже из твоего «Варяга» хвалёного...

– А мне этот Колесов понравился! – заявил Клифт, когда спустя час, захмелевшие слегка и отяжелевшие от еды, они с замом отъехали от правления. – Есть в нём что-то этакое... первозданное. На таких мужиках Россия испокон веков держится!

– На нас она держится, Юрий Степанович, – мотнул головой Борщёв. – Если бы не наши, нефтяные да газовые деньги, посыпалась бы давно страна к чёртовой матери! К тому же ставлю вас в известность, господин генеральный директор, что на территории колхоза «Рассвет», где мы только что с вами побывали, нефтеносные слои богачейшие. И мы их в ближайшее время застолбить должны. Отжать у Колесова землишку.

– Это как, интересно? – любопытствовал Клифт.

– Да проще простого! «Рассвет» одному банку по кредитам десять миллионов рублей задолжал. С урожая планировал рассчитаться. Но это не раньше, чем месяца через три-четыре. Пока хлеб уберут, пока продадут, да деньги за него выручат... А мы ждать не будем. Наша компания долги «Рассвета» у того банка давно перекупила. И мы в ближайшие дни инициируем в отношении не рассчитавшегося по кредитам хозяйства процедуру банкротства. И земли его, а глав-

ное, недра, к нам в собственность отойдут!

Клифт не любил и побаивался того, что у братвы в криминальном мире называлось «везухой». Жизнь, как известно, складывается из полос, и вслед за светлой непременно чёрная наступает. Причём чем дальше «везуха» прёт, тем шире, продолжительнее затем чёрная полоса. А потому, считал он, лучше уж серенькая жизнь, этакая, серединка на половинку, что б без оглушительных удач, но и без глубоких провалов. Так-то оно надёжней, спокойнее.

Весь личный опыт его о том же свидетельствовал.

Помнится, как-то бомбанул на пол-лимона отечественных рублей одного лоха в автосалоне, а через день глупо спалился. Приметил в метро пассажирку с приоткрытой сумочкой, недолго думая, рефлекторно больше, чем из нужды в деньгах, клешню туда свою запустил, и – бац! На опергруппу по борьбе с карманными кражами нарвался. Дамочка эта, капитанша полиции, как оказалось, намертво руку его прихватила, тут же друганы её – опера подоспели. В итоге – трёшку строгача схлопотал, и пол-лимона на хазе пропали. Кенты божились, что деньги в общак, для согреву Клифта на зоне, передали. Может, и так, а только он бабками теми не пользовался. Он ведь по той, зонавской жизни, слава те Господи, в авторитете, с ворами чай гоняет. Уж чего-чего, а чаёк на замутку, или косячок раскумарится ему с любой дач-

ки перепадает. И чифирнуть – последний глоток непременно за ним. А, как известно, не каждому фрайеру «пяточка» достаётся!

Вот и сейчас, вляпавшись неожиданно в масляную, покотившую вдруг, словно «ломбарджини» по немецкому автобану, жизнь, Клифт не расслаблялся ни на минуту. Предвидя отчётливо, что кончится эта кучерявая пора либо командировкой очередной на длительный срок, либо вообще деревянным прикидом под железной табличкой с номером в безымянной могиле, в каких неопознанные, не востребовавшие трупы за государственный счёт хоронят.

А потому держал Клифт наострённые уши на стороже, а хвост – пистолетом.

И всё-таки неожиданным для него оказалось то, каким будничным тоном доложила ему на следующий день в офисе секретарша по селекторной связи:

– Юрий Степанович! К вам супруга приехала.

– К-какая супруга? Чья супруга? – ошеломлённо воззрился он на красный огонёк, пламенеющий над микрофоном аппарата.

– Да ваша, чья же ещё! – не без ехидства, как показалось Клифту, пояснила Гиена Львовна.

«Приплыл» – успел тоскливо подумать Клифт, начал было оглядываться по сторонам затравленно – куда бы сейчас сквозануть, но тут дверь в его кабинет отворилась.

Блондинка среднего возраста, чуть полноватая, со следа-

ми былой красоты, благоухающая тонкими духами.

Клифт сразу понял, что принадлежит она другому, недоступному ему в обычных условиях, миру. Обитающему в огороженных заборами виллах Рублёвки, куда и домушникам-то соваться не след, а уж карманникам и вовсе нечего делать – слишком бдительно стережёт своих работодателей вымуштрованная охрана, да и к карманам да к сумочкам домовладельцев ни в жизнь не подступишься.

Клифт, намеревавшийся до того просто пройти мимо визитёрши с каменным выражением лица, и пока начнутся разборки – что да как, спуститься в лифте, рвануть от этой нефтяной конторы подальше, вдруг обмяк за столом.

А дамочка глянула на него васильковыми, с поволокой, глазами, и, кажется, не удивившись ничуть, произнесла прищурившись:

– Ну, здравствуй, дорогой муженёк!

А потом, глядя на столбом застывшего Клифта, выговорила сердито:

– Что ж ты не удосужился позвонить, или хотя бы эсэмэску прислать, как доехал, как на новом месте обосновался?

«Что она несёт? – лихорадочно соображал Клифт. – Почему не орёт дурным голосом, мол, куда супостаты её настоящего мужа дели? А может, она близорукая, или вообще слепая, и подмену не разглядела пока ни хрена?».

– Э-э... занят был... – проблеял он, заметив через проём открытой двери, что столпились там набежавшие девчонки

из секретариата, и пялятся с жадным любопытством, хихикая в кулак – шутка ли: жена босса приехала!

Однако супруга Жабина явно слепой не была. Она шагнула с распростёртыми объятиями на встречу Клифту:

– Я так рада тебя видеть, дорогой!

«Дорогому» не оставалось ничего другого, как выйти из-за стола на ватных ногах, и осторожно, словно авиабомбу с необезвреженным детонатором, приобнять визитёршу. А та, щекотнув ему платиновым локоном ушко, шепнула чуть слышно:

– Расслабься, идиот! Морду радостную сострой. После всё объяснишь...

Четверть часа спустя они ехали рядышком на заднем сиденье джипа, Клифт молчал, косясь на новоявленную жену, а та щебетала так, будто и впрямь была слепа и считала сидевшего рядом незнакомого мужика своим законным супругом:

– Я без предупреждения решила нагрнуть. Вдруг ты здесь... хи-хи... какую-нибудь молоденькую нашёл! Знаю я вас, мужиков. За вами глаз да глаз нужен. А городок этот, Южноуральск, ничего. Цветов много на улицах, зелени. Я думала, грешным делом, тут одни трубы комбинатов разных дымят, да нефтяные вышки на каждом шагу...

Клифт поддакивал заморочено, бормотал в ответ что-то невразумительное.

– Ладно, – указывая глазами на водителя, пресекла его по-

туги лже-жена, – дома поговорим.

Осмотрев гостиничные апартаменты, заключила снисходительно:

– Неплохо устроился.

А когда хлопотливая хозобслуга, всполошённая приездом супруги шефа, наконец, оставила их одних, произнесла со вздохом:

– Ну, колись, муженёк, куда ты моего засранца дел?

– К-кого? – непонимающе переспросил Клифт. Он стоял посреди гостиной, соображая судорожно: «Эта баба что, тоже самозванка? Аферистка-шантажистка? Но откуда она, падла, то, что настоящего Жабина кокнули, пронюхала, и чего теперь хочет? Сколько за молчание своё запросит?».

А дама между тем опустила устало в мягкое кресло у низкого столика, отщипнула крупную виноградину от увесистой кисти в хрустальной вазе, положила в напмаженный ротик, передразнила сварливо:

– Кого-кого... Муженька моего настоящего. И за каким чёртом ты его тут изображаешь?

– Мужа? Вашего? – тянул, медля с ответом, Клифт.

– Да моего, не твоего же, – усмехнулась гостя.

– Не понимаю, гражданка, о чём вы толкуете, – пошёл в несознанку, будто на допросе у следователя, не имеющего железных улик, Клифт. – Я, если хотите знать, вообще холост. А вас в первый раз в жизни вижу!

– А я тебя, хрена моржового, тем более! – с недобрый при-

шуром заявила дама. – Я вот сейчас свисну челядь, и прикажу ментов пригласить. И паспорт им покажу. А в нём, между прочим, штампик имеется. Удостоверяющий, что я, Ольга Игоревна, сочеталась с гражданином Жабиным законным браком... э-э... страшно подумать, пятнадцать лет назад! И учтите, господа полицейские, – обернулась она к воображаемым стражам закона, коих, слава Богу, пока в комнате не наблюдалось, – этот гражданин вовсе не мой муж. А стало быть, не Жабин Юрий Степанович, за которого его здесь все принимают!

Клифт, сообразив, что ломать комедию дальше бессмысленно, присел рядом на соседнем кресле, взял со стола сигареты, щёлкнул зажигалкой, пустил дым в потолок. А потом поинтересовался с кривой улыбкой:

– Что ж ты сразу меня не сдала?

Дама похрустела очередной виноградиной на белоснежных зубах, ответила уклончиво:

– Да-а... Разобраться надо сперва... Хотя бы познакомится для начала. Ты вообще, мать твою, кто?

– Я-а? – мусоля сигарету, пожал плечами Клифт. – Так, случайный пассажир на этом нефтяном танкере.

– А зовут тебя по-настоящему как?

– Арчибальд. Арчибальд Пантелеймонович Тараканов, – выдал без запинки первое, пришедшее в голову карманник.

Дама хмыкнула понимающе:

– Ну и чёрт с тобой, Арчибальд. Ты мне, Пантелеймоныч,

только честно скажи: муж-то мой благоверный где?

Клифт понял, что придётся колоться. Придав лицу подобающее моменту печальное выражение, он произнёс торжественно-скорбно:

– Крепитесь, мадам. Вашего супруга больше нет. – И торпливо добавил: – но я к этому отношения не имею. Просто... оказался случайным свидетелем того, как некий злоумышленник всадил ему в сердце две пули. Ну, и вот... не преминул воспользоваться... Взял грех на душу... Решил, раз такая везуха, немного бабла срубить. Под его, как говорится, личиной.

Гостья встала, широко, с размахом перекрестилась:

– Ну, слава те, Господи. Свершилось, значит. А то я уж венюк послала. Потом прослышала, что муженёк мой жив и невредим, к руководству компанией приступил. И засомневалась было: неужто, обманул меня, стервец? И за что я ему такие крутые бабки отвалила?

– Кому отвалила? – не мог взять в толк Клифт.

– Да киллеру. Который моего благоверного грохнул!

Повидавший на своём веку всякого, Клифт всё-таки был слегка ошарашен признанием гостыи. Понятно, что мир нынешний жесток, прагматичен, и пуля становится последним аргументом не только в криминальных разборках. Но и, как принято выражаться, в спорах хозяйствующих субъектов, но что б жена... мужа...

Словно прочитавшую его мысли дамочку прорвало:

– А что бы любой на моём месте сделал!?! – и указала на початую бутылку «Хеннеси» на столе, – Налей! – глотнула из бокала, продолжила со слезами на глазах: – Выходишь девчонкой замуж за смазливового голодранца, родители у которого – никто, мазутные хари. Отмываешь его от барачной грязи, покупаешь ему высшее образование, в приличное общество вводишь. Пятнадцать лет на это, всю молодость тратишь. А он? Вместо благодарности за каждой юбкой бегать начинает. Да хрен бы с ним, если бы где-то в саунах со шмарами кувыркался. Так нет, развод затеял. Нашёл себе какую-то шлюшку модельной внешности. Дескать, мне теперь по статусу жена молодая, красивая положена. Хрен тебе что положено! Ста-а-тус! Да если бы не папа мой, министр экономического развития при Ельцине, теплотрасса тебе была бы положена, и жратва с помойки!

Клифт кивал сочувственно, утешал, как мог:

– Ну, вы тоже ничего ещё... очень даже вполне симпатичная.

Гостья приложила к бокалу, произвольным движением поправила белокурую прядь.

– Спасибо. Был бы папа жив, он бы это быдло неблагодарное, муженька моего, быстро на место поставил. А теперь вот самой... все вопросы решать пришлось. Он ведь, гад такой, всё имущество хотел у меня отсудить. Не им, говнюком, нажитое. И коттедж на Рублёвке, и виллу в Италии, другую недвижимость. Ну не скотина, а? И как прикажете поступить с этой скотиной?

Клифт скорбно кивал, соглашаясь.

А дамочка, промокнув платочком уголки глаз, вдруг заинтересовалась совсем другим, деловым тоном:

– И как же мы с тобой, мелким жульманом, из этой ситуации выходить будем? Одно дело я – вдова безутешная, убиенного безвинно мужа единственная наследница. И совсем другое дело, когда супруг драгоценнейший, оказывается, жив, только он не муж мой на самом деле, а хрен знает кто?! Или мне и в самом деле в полицию обратиться?

– Ну, в полицию-то не стоит, – резонно заметил Клифт. – Я ведь им тоже вашу жалостливую историю рассказать могу. Про киллера, в частности...

– Да ничего ты не докажешь, жульман, – пренебрежительно махнула рукой гостья. – Я же всё отрицать, естественно, буду. А вот на тебя убийство повесят. Ты, небось, и докумен-

ты Жабина прихватил, и денежки? Сидишь тут, на его месте, щёки надуваешь. Твой корыстный мотив на лицо. А я что? Несчастливая вдова, потерявшая единственного кормильца!

Клифт примирительно подлил ей в бокал:

– Думаю, мы это дело как-нибудь без полиции... утрясём. Я ведь ненадолго здесь. Завтра исчезну – только меня и видели. Я же на имущество ваше не претендую. Так, перекантовался здесь чуток, денегат по-малой срубил. Должность-то всё равно... вакантной была!

– Нет, похоже, ты тупой, и не понимаешь, что натворил! – ошетибилась дамочка. – Нет тела – нет и преступления. И никакая я не вдова, а жена здравствующего гражданина Жабина. Где труп?

– Я его на лавочке на вокзале в Самаре оставил. С моими документами. Так что он теперь наверняка похоронен как Валерий Павлович Пузанёв, то есть я. Родственниками не востребованный по причине отсутствия таковых.

– Ты ж, мать твою, Арчибальдом назвался!

– Это я так... нравилось в детстве мне это имя... – сконфузился Клифт.

– Короче, Арчибальд-хрен-тебя-знает-по-настоящему-как! Даю тебе сроку – один день. Прыгай в свой джип, и лети в Самару. Что бы завтра справка о смерти Юрия Петровича Жабина у меня на руках была. Не какого-то, на хрен, Пузанёва, а Жабина! Можешь тело его эксгумировать, и сюда на опознание притащить.

– Ладно, попробую... – согласился Клифт. – Только, боюсь, одного дня мало будет...

– Правильно боишься, – отрезала гостья. – Потому что иначе мне придётся ментам за отсутствием настоящего мужа твой труп предъявить.

В ночь Клифт помчался в Самару, и утром уже въезжал в город. У него хватило ума не торкаться в полицию, где наверняка бы начали задавать неприятные вопросы. Посмертную судьбу Жабина он решил выяснить в месте, которое убиенный, а казённым языком выражаясь, криминальный труп ни как не мог миновать – в морге бюро судебно-медицинской экспертизы.

Проще простого было бы выправить справку о смерти, но выпишут-то её на Валерия Пузырёва! А жене Жабина подавай! Впрочем, и здесь Клифт придумал выход из положения. Найдёт могилу нефтяного магната на кладбище, объяснит, что хочет перезахоронить тело погибшего в чужих краях на родине, поближе к родным могилам, и доставит эксгумированный труп в Южноуральск в лучшем виде. А там вдова пусть сама крутится, опознаёт да справки собирает. Он, Клифт, к тому времени уже далеко будет. С новыми документами.

Язык, как говорится, до Киева доведёт, и вскоре с помощью шофёра Сергея, поспрашивавшего всезнающих местных таксистов, подъехали к скорбному заведению. Располагалось оно в глубине двора, на задах многоэтажной городской больницы. Низкий домик из белого силикатного кирпича стыдливо прятался за кронами карагача и кустиками

акации.

Напустив печаль на чело, Клифт неторопливо прошествовал к моргу. Ни дать ни взять – безутешный родственник, согбённый свалившимся горем.

На низком крылечке обители мёртвых, сидя прямо на деревянных ступеньках, покуривал крепкий, худощавый мужик, облачённый в несвежий, заляпанный бурыми пятнами медицинский халат. Оглядев с ног до головы Клифта, вырядившегося по траурному поводу в дорогущий чёрный костюм, мужик сделал соответствующий вывод, и поднялся, шагнул на встречу:

– Здравствуйте... Чем могу быть полезен?

Опасаясь пожимать руку, неизвестно чего касавшуюся в таком заведении, держа дистанцию, Клифт поинтересовался с достоинством:

– Вы доктор?

– Санитар здешний. – И пояснил торопливо. – Но если вам покойника обрядить, марафет навести – это ко мне. Я, блин, из любого трупака конфетку сделаю. В прошлый раз одного после ДТП привезли – жуть, как из мясорубки. А у меня он потом как живой в гробу лежал!

Клифт поморщился, и не без трепета заглядывая через плечо санитара в таинственное нутро мертвецкой, сказал осторожно:

– Мне бы... э-э... справочку навести. Узнать судьбу одного... мнэ-э... тела. Где оно захоронено?

Мужик изобразил на лице глубокую озабоченность:

– Узнать то, конечно, можно... Только дело это хлопотное. Журналы учёта нужно поднять, опять же, в компьютер залезть... Да и вообще, посторонним знать про то не положено...

Клифт правильно оценил заминку, и протянул мужику тысячерублёвую купюру:

– Я не посторонний, я родственник. Ищу двоюродного брата.

– И где же это он у вас потерялся? – прищурился хитро мужик.

– Да здесь где-то. В Самаре. – Клифт доверительно склонился к санитару. – Я тебе честно скажу. Он у нас, брательник, то есть, непутёвым был. Пил, бомжевал. А теперь слух прошёл – вроде помер.

– Фамилия-то брательника – как?

– Пузанёв. Валерий Павлович, – испытывая мистический трепет от того, что приходилось объявлять умершим себя, молвил Клифт.

– А когда крякнул?

Клифта покорило такое неуважение к собственной персоне.

– Умер, – с нажимом произнёс он, – мой брат где-то числа двадцатого июля. Неделю назад.

– Щас посмотрю, – пряча купюру в нагрудном кармашке халата, пообещал санитар, и скрылся в глубине морга.

Судя по тому, что вновь он возник на крылечке через пару минут, задача по просмотру журналов оказалась не столь грандиозной, как представлялось санитару в начале.

– Вот, – протянул он клочок мятой бумажки, – нашёл я концы твоего братана. Поступил... – заглянул он в обрывок листочка, – труп гражданина Пузанёва 21 июля. Диагноз: огнестрельные пулевые ранения сердца. Вскрытие проводил врач-судмедэксперт Цирлинсон...

– Тело, тело где? – нетерпеливо перебил Клифт. – Где... э-э... мой братан похоронен?

– А его и не хоронили вовсе, – обескуражил в ответ санитар.

– То есть... где же он? – не мог уразуметь Клифт.

– В медакадемии. Мы туда безродные, невостребованные трупы сдаём.

– Зачем? – догадываясь уже, допытывался Клифт.

– Студентам для практики. Что б, значит, они на этих трупах анатомию изучали, оперировать учились. Так что дуй, парень, в медакадемию. Может быть, они брата твоего на запчасти, препараты, то есть, ещё не распотрошили...

По причине летних каникул во дворе старинного, засаженного вековыми дубами и клёнами здания медицинской академии было тенисто и тихо. У парадного входа лениво покуривал вахтёр, облачённый в зелёную униформу.

Клифт обратился к нему, дыша запалено – время-то поджимало!

– Слышь, командир! Куда тут у вас жмурики... ну, эти, которые для опытов, поступают?

Служивый – по внешнему виду отставник в майорском, не ниже, чине, строго поправил незваного визитёра:

– Не для опытов, а для занятий студентов – будущих докторов. Для выработки у них практических навыков. А вам зачем о том знать?

– Да, слышь, командир, тут такое дело... Я в отъезде был, а братана моего двоюродного после смерти сюда, говорят, сдали...

– Пил? – спросил строго вахтёр.

– Кто? Я-а? – изумился Клифт.

– Да нет, брат твой.

– А-а... Ну да, было дело. Бомжевал, опустился совсем...

– Вот! – назидательно поднял палец отставник. – Типичный случай! Вымираем по миллиону в год. Спойли народ, сволочи!

– Кто? – заморочено уставился на собеседника Клифт.

– Понятно, кто. Мировая закулиса. Жиды!

– А-а... ну да, – согласился Клифт. – Прямо разжимали зубы, и насильно водку в горло вливали!

Охранник неприязненно глянул на собеседника, оценил дорогой костюм, поджал губы:

– А вы, значит, тоже из этих...

– Из жидов? – подсказал Клифт.

– Из представителей компрадорской буржуазии. – И напустил на себя официальный вид. – Все сведения – в администрации академии. Обращайтесь туда. – И добавил мстительно: – Только у них сейчас обеденный перерыв!

Уже поняв, с кем имеет дело, Клифт достал бумажник, протянул охраннику тысячную:

– Ладно, отец, не кипятись... Мы ж не на митинге.

Отставник взял деньги, с отвращением посмотрел на купюру, спрятал в карман, пояснил сухо:

– Пройдёшь на первый этаж. Там кафедра анатомии. Туда все трупы привозят. Спросишь старшего препаратора Свиридова. Он тебе всё объяснит.

Клифт шагнул в прохладный вестибюль, огляделся по сторонам. Гардеробная с пустыми вешалками, номерками на крючках. Справа, слева – длинные коридоры, уходящие вглубь здания, ряды выкрашенных белым дверей. Над тем, что слева – выпиленными из пенопласта буквами выложено: «Кафедра топографической анатомии». Над правым – про-

сто «Кафедра анатомии».

Поразмыслив секунду, Клифт отверг «топографическую», ассоциировавшуюся у него с географическими картами, и прошёл в коридор, где располагалась нормальная анатомия.

Здесь стоял крепкий, до першения в горле, запах формалина. По стенам висели портреты каких-то докторов, которые смотрели на не прошеного визитёра строго и осуждающе, а так же многочисленные плакаты, изображавшие людей с содранной кожей, обнажёнными мышцами и пучками кровеносных сосудов.

Неожиданно одна из многочисленных дверей распахнулась, и в коридор вышел старичок – низенький, согбённый в плечах, обряженный в чистый медицинский халат и крахмальный поварской колпак на седенькой голове.

– Чем обязан? – обратился он к Клифту.

– Да ничем, собственно... Я Свиридова ищу, старшего препаратора.

– К вашим услугам, – со старомодной вежливостью отрекомендовался старик.

Клифт замялся, не зная как изложить суть дела.

– Жутковато тут у вас, – начал он, указав рукой на плакаты. – Не для слабонервных!

– А слабонервным делать нечего в медицине! – строго изрёк препаратор. – Вот, читайте, – в свою очередь, указал он на надпись большими буквами на стене: – «Mortui vivos

dociu>». Что означает: здесь мёртвые учат живых.

Клифт склонил голову уважительно. Потом предложил:

– Где бы нам с вами присесть и переговорить по важному для меня делу?

Старик распахнул ближайшую дверь:

– Прошу!

Перешагнув порог, Клифт замер в растерянности. Он ожидал увидеть кабинет с привычной атрибутикой – офисной мебелью, оргтехникой. Здесь же посреди комнаты стоял массивный стол из оцинкованного железа. И то, что лежало на этом столе, при ближайшем рассмотрении ввергало в трепет.

Это было человеческое туловище, вернее, торс, без головы и без рук, с зияющей грудной клеткой. Там, будто во чреве робота, тянулись, переплетаясь причудливо, провода синего и красного цветов.

– Что это? – уставился на расчленённые останки Клифт.

– А, это... – небрежно махнул рукой старичок. – Демонстрационный препарат.

– А-а... почему там провода?!

– Да не провода это, – досадливо поморщился хозяин кабинета. – Кровеносные сосуды. Мы красим их для наглядности. Методика очень простая. В бедренную артерию трупа заливается жидкий латекс красного цвета, в вену – синего. Затем латекс застывает. Я препарировую, отсекая все лишние ткани, выделяю кровеносную систему. Студенты смотрят.

рят, запоминают. Могут любую веточку артерии или вены руками потрогать. Позже, когда начнут оперировать, им эти знания очень пригодятся.

Клифт уже с уважением посмотрел на то, что некогда было живым человеком.

– А я к вам, собственно, по такому же поводу, – приступил он к делу, после чего изложил всё ту же историю о непутёвом двоюродном брате.

Препаратор, нахмурившись, выслушал.

– Надо по накладным посмотреть, – сообщил он. – К нам таких часто привозят. Бомжей, психбольных, уголовников из тюрьмы. И, скажу я вам откровенно, – доверительно склонился старик к собеседнику, – нередко такое посмертное служение науке – единственный благородный поступок этих людей за всю предыдущую непутёвую жизнь!

– Вот и мой брат был... скажем так, не самых честных правил, – грустно подтвердил Клифт, отчётливо представляя, что и его собственным бранным останкам, возможно вполне, предстоит возлежать со временем на таком же вот цинковом столе, как безродному. – Мамаша ко мне его обратилась. Найди, дескать, родную кровинушку. Я, grit, его по-человечески похороню, на могилку его приходить стану... Как бы нам с вами, любезный, договориться, и родственничка моего отсюда к мамаше отправить?

– Что вы, что вы! – замахал руками старик. – Это совершенно невозможно! Труп, попавший сюда, уже не тело,

а учебное пособие. За него, к вашему сведению, уже и деньги из бюджета медакадемии уплачены. Это же подсудное дело!

– Все расходы я компенсирую! – достал Клифт бумажник, в котором оставалось ещё достаточно сдёрнутых в своё время у заместителей денег. И продемонстрировал препаратору толстую пачку купюр.

Тот с интересом на неё посмотрел.

– Разве что так, – протянул нерешительно. А потом встретился: – Когда, говорите, родственник ваш к нам поступил?

Клифт протянул ему клочок бумажки, выданной в морге.

Старик взглянул на дату, подошёл к компьютеру, потыкал в клавиатуру пальцем, пошарил мышкой по вспыхнувшему монитору. И обернулся к гостю, покачав головой с сожалением.

– Вы уже опоздали, милейший. Тела, как такового, уже нет.

Клифт заволновался:

– Как это нет? – А потом, уставившись на жуткий препарат на столе, догадался. – Вы его что, уже... на запчасти разобрали? – и указал дрожащим пальцем, – а это – не он?

– Ну, не то, что бы разобрали, – пожал плечами старичок. – Скорее наоборот. Я его только вчера собирать закончил. Но, увы, не в том виде, в каком его можно предъявить близким родственникам...

– Покажите! – решительно потребовал Клифт.

Препаратор достал из ящика стола связку ключей, и кивнул гостю:

– Пойдёмте.

Проведя визитёра всё тем же длинным, полутёмным коридором, он в самом конце его отпер обитую железом дверь. Первым шагнул за порог, включил свет. И указал на что-то в глубине комнаты.

– Вот он!

Клифт глянул из-за плеча старичка. На него, скаля обнажённые зубы, смотрел пустыми провалами глазниц сияющий выбеленными, будто отполированными костями, укреплённый на подставке скелет.

– Идиот! – орала следующим утром вдова нефтяного магната, указывая на скелет мужа пальцем. – И что я теперь должна с ЭТИМ делать? Милиции предъявить?!

– Полиции, – поправил её машинально Клифт. Он стоял, растерянно теребя в руках чехол для перевозки костюма, в коем, к немалому изумлению и ужасу шофёра Серёги, доставил бранные останки Жабина в багажнике джипа.

А потом перешёл в наступление:

– Вы, дамочка, на меня так рот разеваете, будто это я вашего муженька кокнул. К тому же вся... э-э... арматура гражданина Жабина в целости и сохранности. Я по телевизору видел: учёные по одной косточке способны весь внешний вид животного воссоздать. Ну, там динозавра какого-нибудь, мастодонта или австралопитека. А тут у них – целый скелет! Восстановят внешность гражданина Жабина, вы его полиции и предъявите.

– Сам ты австралопитек безмозглый! – ярилась вдова. – Если бы ты, козёл, труп моего мужа с чужими документами на вокзале не бросил, мы бы его давно похоронили честь по чести, а убийство на коммерческие разборки списали. А теперь?

Клифт вдруг хлопнул себя озарено по лбу.

– Слушайте! А зачем нам вообще весь этот огород

с предъявлением трупиков горючих? Я ведь в настоящий момент кем де-факто являюсь? Вашим законным мужем. Вот и давайте, все документы, связанные с разводом и передачей имущества, подпишу. Мне чужого не надо...

– А ты и подписи умеешь подделывать? – скептически глянула на него вдова. – В банках да нотариальных конторах образцы подписи моего мужа имеются. Там не такие, как в этой нефтяной компании, придурки сидят. Они тебя, мелкого афериста, вмиг раскусят!

– Ладно, придумаем что-нибудь, – пообещал Клифт, и глянул на часы с облегчением. – Мне на работу пора. Дождись меня, дорогая. – И попытался примирительно, по-семейному, чмокнуть в щёчку.

Та шарахнулась от него, как от чумного.

Покинув гостиницу, Клифт не знал, что оставшись в одиночестве, «дорогая» сделала телефонный звонок. И прошептала в мобильник:

– Ал-лэ... тут такое дело... Накладочка вышла. В общем, мне придётся заказ повторить... Оплату, как всегда, гарантирую. По повышенной ставке – за срочность.

В приёмной офиса, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Клифта поджидал заместитель Борщёв.

– Нам с вами, Юрий Степанович, надо прямо сейчас в арбитражный суд подъехать. Там очень важное для нашей компании дело рассматривается. И ваше присутствие, как гендиректора, просто необходимо.

Намеревавшийся в ближайший час рвануть в аэропорт, и вылететь первым попавшимся рейсом куда-нибудь, подальше от Южноуральска, Клифт скривился с досадой:

– Ч-чёрт... у меня важные дела запланированы. Ну что ж, раз надо – поехали!

С учётом предыдущего опыта Клифта, весьма специфического, суд он представлял себе как место малоприятное – с вооружённым конвоем, железной клеткой для подсудимого, строгой командой: «Встать! Суд идёт!».

Однако на этот раз всё выглядело иначе.

Клетки в зале не было, конвоя тоже. Клифта с Борщёвым усадили за длинный стол тёмной полировки, рядом расположился вышколенный шнырь, в очёчках и с кипой документов – как оказалось, адвокат компании.

А вот давешний знакомый, директор колхоза «Рассвет» Виктор Николаевич Колесов, и впрямь походил на подсудимого. Вошёл понурясь, не глядя по сторонам, никак не отре-

агировав на чистосердечное «здрассьте» Клифта.

Само заседание оказалось тягомотным и до зевоты скучным. Сперва судья – милovidная женщина в чёрной мантии, долго зачитывала какие-то маловразумительные для Клифта документы. Потом адвокат нефтяников, тасуя стопку бумаг, словно колоду карт, вещал что-то проникновенное о долгах и покупке активов.

Дали слово и Колесову.

Он поднялся, попытался пригладить непослушные вихры на затылке, и заговорил вдруг страстно, с болью, выбиваясь из сонной тональности заседания:

– Это что ж получается, товарищи дорогие! С одной стороны, мы говорим, что хлеб – всему голова. С другой – он государству нашему вроде, как и не нужен. Уж сколько нас душили, душили, аграриев, а мы всё живем. На ладан дышим, а сеем да пашем. Получается, что один с сошкой, а семеро с ложкой. И все вьются вокруг хозяйства. Энергетики, газовики, ростехнадзор, сельхознадзор, госпожнадзор, налоговая... все надзирают! Нет, что бы помочь. Наоборот. Энергетики за малейший долг нороят рубильник отключить, провода отрезать. Газовики – вентиль перекрыть. И всем – дай, дай, дай! Штраф заплати, взятку сунь. Хоть деньгами, хоть поросёнком... А хлеб закупают у нас по бросовым ценам. Я элитное семенное зерно, за бесценнок, как товарное продаю. А что делать? С долгами надо рассчитываться! Теперь вот нефтяники. Дошло уже до того, что за тонну солярки пять

тонн пшеницы надо отдать! Ну и чёрт с вами. Банкротьте. Будете потом пшеницу из Канады и Аргентины возить. Да только хлеб тот по цене золотой окажется. Вам никакой нефти, что б за него рассчитаться, не хватит.

Колесов сел, и опять уставился в пустой стол прямо перед собой.

– Суд удаляется на совещание, – объявила девушка-секретарь.

– Эй, постойте-ка, – поднялся решительно Клифт. – Можно мне?

Судья благосклонно кивнула.

– Я, дело прошлое, сам-то не деревенский, – начал подрагивающим от волнения голосом Клифт. – А сейчас вот послушал представителя колхозного крестьянства, и подумал: а ведь он прав! – отмахнулся от Борщёва, потянувшего его за рукав пиджака. – Да пошёл ты! – и продолжил. – Короче, так. Банкротить колхоз «Рассвет» не надо.

– То есть, вы хотите сказать, что нефтяная компания «Южуралнефть» отказывается от иска на отчуждение земель ЗАО «Колхоз «Рассвет»? – удивлённо выгнула подбритые бровки судья.

– Точно, – подтвердил Клифт. – Чё мы, в натуре, нелюди какие-то? Иск отзываем, а долги спишем. Не пообедем. На одних банкетах сэкономим столько, что и колхозам, и детским домам хватит!

– Тогда вам нужно подписать отказ от претензий, – заклю-

чила судья.

Клифт, следуя указаниям секретаря («здесь, и вот здесь!»), расписался в каких-то бумагах.

А потом вышел из зала суда, даже не оглянувшись.

На улице прыгнул в джип, и скомандовал Сергею:

– В аэропорт. Быстро.

То, что за ним следят, Клифт засёк уже в Домодедово. Из Южноуральска он вылетел без проблем. Правда, почти без денег. Но это, как говорится, дело наживное. Пальчики-то ловкие всегда при нём!

Двух мордovorотов, облачённых в строгие чёрные костюмы, пристально вглядывающихся в лица выходящих из терминала, и на мгновение встретившихся с ним взглядами, Клифт сразу вычислил. Это у него профессиональное – ментов примечать. Иначе из зон бы не вылезал, срок за сроком мотая. Хотя, если честно, и отсидел в своё время не мало...

Впрочем, сейчас его пасли совсем не менты, а, вероятнее всего, быки из службы безопасности нефтяной корпорации. Шутка ли – он им важную сделку сорвал. Да и на волне поднявшегося скандала наверняка докопались, что никакой он не Жабин. Расскажи кому – не поверят. Богатейшую нефтяную компанию заурядный жульман кинул! Неделю этими керосинщиками руководил, а они не допетрили. Скандал! Такое наверняка не прощается...

Мордovorоты Клифта тоже мгновенно сфотографировали и опознали, рванулись за ним сквозь толпу.

Интересно, какой приказ они получили? Повязать, передать полиции? Вряд ли. Побояться огласки, позора на весь белый свет. Тогда... тогда плохо дело. Сцапают, увезут и за-

копают в Подмосковном лесочке. А то прямо на улице грохнут...

Клифт, выскочив на запруженную автотранспортом площадь перед аэровокзалом, оглянулся быстренько – нет ли хвоста? Есть, вот они, соколики, как ледоколы, людскую толчею рассекают. Один руку за пазухой держит. Там у него наверняка шпалер в кобуре под мышкой. Значит, прямо здесь, при всём честном народе, будут валить!

Клифт начал осматриваться в надежде подхватить такси или «левака». Надо же! То толпой набегают: «Командир, куда едем?», а тут будто вымерли.

– Блямс!

На капоте ближайшего лимузина розочкой расцвела пулевая пробоина. Выстрела не услышал – значит, шмаляют из пистолета с глушителем. Вот отморозки! Здесь же кругом женщины, дети... Смазали, черти, потому что торопятся... И куда только полиция смотрит?!

Полиция! – осенило вдруг Клифта. Он круто развернулся, и опять вбежал в зал ожидания. Здесь стрелять не должны – они же не самоубийцы!

Украдкой в ближайшую урну он выбросил паспорт Жабина. Теперь уже не понадобится. А потом стал прогуливаться, скользя профессиональным взглядом из-под опущенных век по толпе пассажиров. Мордovorоты тоже здесь. Один на выходе мнётся, перекрывая, другой следом волочится, глаз с Клифта не сводит.

Особенно густо кучковался народ у стоек регистрации. Клифт направил свои стопы туда. Так, теперь надо лоха найти. Из тех, что бумажники в задних карманах брюк держат. Человек этот должен не старым быть, служивого возраста. А поблизости – ещё пара-тройка таких. Аккуратно подстриженных, со спортивной выправкой.

Вскоре он углядел то, что искал. Правда, то не парень был, а девица. С расстёгнутой призывно сумочкой через плечо, к спине передвинутой. Прямо мечта карманника! Запускай руку, тащи бумажник!

Клифт, не раздумывая особо, так и сделал. Подошёл, потоптался для виду, а потом – цап!

Его скрутили мгновенно. И когда парни спортивного вида, заломив жулику руки за спину, защёлкнули на них стальные браслеты, тот, вопреки всему, лыбился вполне счастливо. И даже пробормотал с благодарностью:

– Чисто сработали, орлы! Прихватили с поличным. От души поздравляю!

Опера из отдела по борьбе с карманными кражами, естественно, по запарке не обратили никакого внимания на двух застывших в растерянности поодаль мордovorотов в строгих чёрных костюмах.

Несколько дней спустя Клифт чифирил с братвой, сидя за длинным столом в камере следственного изолятора. Передавая кружку по кругу, разглядывал с улыбкой сокамерников, со многими из которых кентовался ещё в прежние ходки. Лёша-домушник, Расул-майданщик, Мотя Вайнштейн – катала, Ваха-барсеточник. Вот здоровяк Дима Иркутский – этот, наверняка, опять за гоп-стоп подсел.

И не выдержав, сказал умилённо:

– Братцы! Как хорошо тут у вас, если б вы знали! И, главное, всё по-людски, всё по-честному...

День козла

Повесть

I

Президентский кортеж – скромный, не в пример прежним, состоящий всего-то из трех автомобилей, натужно ревя моторами, перевалил через пологий склон приземистой от древности уральской горы, и покатил по разбитому шоссе вниз, в долину, на дне которой обосновался заштатный городок с немилозвучным по нынешним понятиям названием – Козлов.

Именем своим городок был обязан распространенному среди жителей в прежние времена пуховязальному промыслу, сошедшему ныне почти на нет. А когда-то гремела слава местных пуховых платков – «паутинок», шерсть для вязания которых давала особая, обитавшая на здешних каменистых склонах порода коз. А какое же козье стадо без главного породопроизводителя – козла? Вот и выходило, что имя городок имел самое что ни на есть нормальное, осмысленное, но... платки, шали и полушалки вышли из моды, о главном предназначении козлов забыли, придав самцам этой породы животных исключительно бранный, оскорбительный да-

же в определенных слоях российского общества, оттенки, и жители Козлова называли теперь свой домашний адрес с некоторой заминкой – стеснялись.

Впрочем, полковник Коновалов, появившийся здесь на свет без малого полвека назад, не испытывал неловкости, указывая место рождения в анкетах, коих ему пришлось заполнить за долгие годы службы великое множество. Он, если честно, сейчас вообще ничего не испытывал, кроме раздражения от предстоящей встречи с городом, где прошли его детство и юность. Он забыл Козлов, вычеркнул его из памяти, заштрихованной тысячами других встреч и событий, бесконечной чередой городов, куда заносила его беспокойная служба. Тем более, что нынешняя поездка оказалась крайне некстати. Неотложные семейные дела требовали его присутствия в Москве, но пришлось бросать все и тащиться с непоседливым Дедом в глухую провинцию, к чертям на кулички...

Сверху, со склона горы, долина, где расположился городок, напоминала корыто, в которое сгребли, сыпанув без разбора, ненужный хлам и строительный мусор – сотню безнадежно состарившихся, похожих с высоты на груды сухих щепок, дощатых домишек, десятков безликих, как куски застывшего цемента, пятиэтажек «брежневской» застройки, несколько прокопченных труб, торчащих поминальными свечами по канувшей в небытие советской индустриализации, да могильные железобетонные плиты мертвых цехов

у их подножия – вот и весь пейзаж, открывавшийся перед пребывающими в город путниками. Ничего выдающегося. Таких мест сотни теперь по России. Но, к сожалению Коновалова, именно здесь, в лабиринте кривых, залитых перламутровыми помоями улочек, и жила народная целительница Дарья Душнова, слух о которой докатился даже до президента.

И теперь он мчался сюда вместе с супругой, подремывая безмятежно во взятом напрокат у губернатора этого края джипе, а полковник федеральной службы охраны Илья Ильич Коновалов сторожил его тело и сон.

Вообще-то президент перестал быть действующим главой государства еще несколько лет назад, когда добровольно сложил с себя полномочия, и передал молодому приемнику свой недостижимый для абсолютного большинства простых смертных пост, но все-таки он был первым, и потому сохранил за собой пожизненно почетный титул Первого Президента, что льстило его стариковскому самолюбию, да еще кое-какие, позволяющие безбедно существовать на пенсии, льготы, в том числе и личную охрану.

И все-таки нынешнее положение бывшего президента, или Деда, как звали его промеж собой охранники, было далеко от прежнего. Отсюда и скромный кортеж, состоящий из чужого джипа, «Волги» с четверьмя телохранителями, которыми командовал как бы вышедший теперь вместе со старым президентом в тираж полковник ФСО Коновалов, да об-

шарпанного милицейского «Жигуля», маячившего впереди синей мигалкой и пугавшего истеричной сиреной встречные заржавленные «Нивы» и разбитые по сельскому бездорожью «Уазики».

Когда-то такие поездки нравились полковнику, и, хотя для него, охранявшего первое лицо в государстве, сопровождались они непременно нервотрепкой, усугубляемой непредсказуемостью президента, был в той службе, напряженной до мата по радиотелефонам, веселый кураж, когда можно было по завершению визита выпить одним махом, не закусывая, щедро, с «бугорком» налитый рукой «Самого» фужер водки, а потом задремать после сытного ужина в роскошных апартаментах, под сенью величия охраняемого, но при этом спать чутко, по собачьи мгновенно настораживаясь на каждый подозрительный звук.

В ту пору Коновалов месяцами не бывал дома, но жена сносила его отлучки со смиренным почтением, переполненная уважением к высокой государственной значимости мужниной службы. И, хотя распространяться об этом среди родственников и знакомых ей категорически воспрещалось, вскоре все соседи по лестничной площадке их нового элитного дома начали раскланиваться подобострастно с полковником, а самые общительные подмигивали заговорчески:

– Вы уж, Илья Ильич, нашего всенародно избранного охраняйте получше. На него, орла, вся надежда! Только он, богатырь, Россию-матушку из болота векового способен вы-

тянуть.

К середине девяностых годов всеобщее поклонение перед Первым Президентом сошло на нет, соседи стали здороваться пренебрежительнее, суше, а однажды острая на язык старушка, жившая приживалкой этажом выше, выговорила полковнику в сердцах:

– Давеча хотела молочка купить, да как глянула, почему оно таперича, молочко-то... Хоть бы нашелся добрый человек, и твоего хозяина-паразита уколошил! Ведь как нас, стариков, обобрали...

И все-таки он гордился тем, что находился рядом с президентом все эти годы. Ведь, как любил повторять тот, «... если и случались ошибки, то только тактические. Стратегических не было. Пусть история нас рассудит!» А он, полковник, принимал в сотворении новейшей истории самое живое участие...

Не то, что теперь. Нынче он колесил, сопровождая состарившегося безнадежно Первого Президента по больницам и клиникам, иногда нашим, но чаще забугорным, холодным от пластиковой и никелированной стерильности, скучным и однообразным, как армейская казарма. Бывшего верховного правителя России принимали там с дежурным почтением, промывали и прокапывали, чистили застоявшуюся кровь и циррозную печень, пытаясь поддержать жизнь в дряхлеющем стремительно, работающим с бесконечными сбоями, как автомобиль «Победа» первых послевоенных выпус-

ков, организме.

С недавних пор, отчаявшись обрести привычные когда-то крепость тела и бодрость духа, Дед ударился в народную медицину, экстрасенсорику и прочую чертовщину. На загородной даче его замелькали плутоватые целители, доктора нетрадиционных наук, в которых начальник охраны без труда распознавал то потерявших работу и оставшихся ни у дел «итээровцев», то проходимцев, а то и просто сумасшедших, искренне убежденных в чудодейственной силе своих лекарств, приготовленных из толченого красного кирпича вперемежку с лягушачьей желчью и бычьей мочой.

Самое удивительное, что был период, когда это вроде бы помогло, Первый Президент оживился, замельтешил на экранах телевизоров, здраво высказываясь по тем или иным вопросам текущей политики, но потом годы взяли свое, и он вновь обрюзг, располнел, и с трудом передвигался шаркающей походкой, так что заklubившихся было вокруг него телевизионщиков погнали в шею, а на смену им вернулись знахари с еще более невероятными рецептами омоложения и дурно пахнущими настойками какой-то гадости.

Некоторых Коновалов терпел, позволяя до поры морочить высокопоставленного пациента, других молча вышибал пинком под зад, иногда в буквальном смысле, но они все прибывали, накатывались грязной пеной из взбаламученных реформами народных глубин, и супруга бывшего главы государства, озабоченная состоянием здоровья именитого мужа,

привечала их, вступая в конфликт с недоверчивым начальником охраны.

И козловская целительница Дарья Душнова, как заранее озаботился выяснить по своим каналам полковник, была обыкновенной, хотя и знаменитой на всем постсоветском пространстве, шарлатанкой. Малообразованная бабенка, до сорока лет работавшая санитаркой в районной больнице, и вытуренная оттуда за кражу порционного сливочного масла у лежачих больных, она мгновенно сориентировалась в грянувших кстати реформах, объявила себя потомком магов, чьи корни якобы терялись в песчаных толщах древнего Египта. И хотя соседи знали ее родословную до седьмого колена, где встречались и прижимистые кулаки, и пьяницы-«золотовозы», и даже пра-прадед из крещеных татар, а вот египтян уж точно не было, если не считать бабки с мужниной стороны – польской еврейки из ссыльных, народ как-то сразу поверил потомственной колдунье и повалил к Дарье дуром, жалуясь на застарелые болячки, неверных женихов и пьющих мужей.

Душнова лечила отварами, шептала, плевала через плечо, привораживала, и люди платили ей – кто сколько мог, в итоге деньги получались немалые, на безбедную жизнь в провинциальном городке вполне хватало, а слава, невзирая на сомнительные результаты обращений, распространялась стремительно.

В конце концов кто-то подсказал адресок целительницы

супруге Первого Президента. Та попыталась было заполнить Дарью к себе, в загородную резиденцию. Однако ушлая бабенка, быстро сообразив, что о ее визите на дачу к Первому Президенту, скорее всего, никто никогда не узнает, не в пример тому, если бывший глава государства прикатит к ней – городок-то маленький, все на виду, а слухами земля полнится, – уперлась и пригласила пациента к себе. Дескать, именно в Козлове существует особо целительная аура, обусловленная тектоническими разломами древних скальных пород и подземным излучением, которую она, Дарья, умеет концентрировать и направлять на пользу болезным.

И вынудила-таки, стерва, именитую чету собраться в дальнюю дорогу...

Гаишный «жигуленок» вдруг взвыл сиреной особенно истерично. Коновалов вздрогнул, огляделся по сторонам. Кorteж въезжал на городскую окраину. Областные власти, с которыми полковник накануне связывался по телефону, пообещали к прибытию высокопоставленного гостя привести городок в мало-мальски божеский вид, подлатать, где можно, заборы и обновить фасады домов, заасфальтировать проезжую часть улиц, но, как знал по опыту последних лет Коновалов, все наверняка ограничится лишь бессмысленной побелкой телеграфных столбов, стволов деревьев вдоль трассы и придорожных бордюров.

Президент встрепенулся, когда джип ощутимо трянуло на первой же, слегка закамуфлированной песком, выбоине

в асфальте, открыл осоловелые глаза, спросил заполошно:

– Кто?! Што?! – но, успокоенный сидящей рядом женой, опять задремал, опустив на грудь тяжелую голову и занавесив одутловатое лицо седой прядью упавших со лба волос.

Коновалов с неудовольствием поймал себя на том, что разволновался-таки от встречи с родным некогда городком, попытался успокоить приступ сердцебиения, и постарался безучастно, с чисто профессиональным интересом телохранителя смотреть в окно, оценивая, не таится ли там потенциальная опасность для Первого Президента, но мало что видел из-за поднявшегося за гаишниками пушистого, как лисий хвост, столба пыли.

Как и предвидел он, бордюры там, где они сохранились, были и впрямь побелены, ямы в дорожном полотне присыпаны смесью песка и щебня, а вот на редкозубые заборы, гнилой штакетник палисадников ни сил, ни средств у муниципальных властей уже не хватило. Они зияли щербато, и деревья тянули сквозь бреши навстречу гостю грязные пятерни пыльных листьев, да лаяли неприветливо, не испытывая ни малейшего почтения к знатному гостю, отличавшиеся особой злобностью цепные козловские псы.

II

Сперва областное начальство предполагало поселить Первого Президента в лучшем местном отеле, выстроенном в Козлове каким-то спятивши от дурных денег «новым русским», и теперь прогоравшим тихонько на гостиничном бизнесе, ибо потенциальные постояльцы, наезжавшие в городок из сельской глубинки, по причине врожденной скромности и дороговизны апартаментов обходили роскошные номера с сауной и пустующей бильярдной, предпочитая по традиции кучно селиться в «Доме колхозника», платя по тридцать рублей в сутки за продавленную койку.

Однако Коновалов решительно отказался от необитаемого отеля – не из-за цены, естественно, смета расходов отставного президента и не такое терпела, а из-за того, что обеспечить безопасность охраняемого лица в этом здании, расположенном в центре города, было бы затруднительно.

Идеально соответствовала целям изоляции постояльца от нежелательных контактов бывшая обкомовская дача, стоящая несколько на особицу, в старинном парке на берегу мелкой речушки, и обнесенная высоким тесовым забором.

Вообще-то полковнику по долгу службы положено было накануне визита лично побывать на месте будущей дислокации отставного президента, оценить наметанным глазом, что да как, определить систему охраны, выявить уязвимые

для злоумышленников пути доступа к «телу», однако такие, и даже еще более жесткие меры безопасности предписывались только в отношении действующих высших должностных лиц государства, а президент, хоть и носивший гордый титул Первый, был все-таки бывшим, и на разведывательные вояжи его малочисленной охраны уже не хватало.

Тем не менее, по согласованию с ФСО сотрудники областного УФСБ побывали здесь за день до визита, прочесали дачку с окрестностями и гарантировали отсутствие взрывных устройств, прослушивающих закладок, а заодно наличие в городке террористических групп и маньяков, одержимых идеей убийства Первого Президента.

Водитель губернаторского джипа, прикомандированный в распоряжение Коновалова вместе с автомобилем, хорошо знал дорогу, и решительно свернул с городской улочки на грунтовое полотно, углубился по нему в чащу вековых дубов, и через минуту мягко затормозил возле длинного забора, выкрашенного в умиротворяющее зеленый цвет, у подножия которого вольготно разрослись огромные, как слоновьи уши, лопухи.

Президент опять проснулся, заворочался на заднем сиденье. Супруга, прижимая к груди дамскую сумочку, вздохнула: «Ну наконец-то! Приехали...», и зашарила по дверце машины в поисках ручки – выходить.

Полковник, буркнув шоферу: «Не глуши!», и в сторону президентской четы: «Не торопитесь, минуточку!», первым

спрыгнул с высокой подножки джипа. Огляделся, мгновенно оценивая обстановку – больше по многолетней привычке, чем из предосторожности.

Подкатила «Волга», из нее высыпали четверо охранников, закурили головами, как учили – по секторам.

Осмотревшись, Коновалов увидел торчащий из-за плотного, доска к доске, забора, бревенчатый дом, сияющий жестянно двускатной крышей, распахнутые настежь ворота, у которых кучковалась, растянув в улыбке одинаково толстые, словно у клонированных близнецов физиономии, районное начальство, смазливеньких девчушек в длинных платьях и сверкающих разноцветными стекляшками кокошниках – не иначе как из местного ансамбля русской песни и пляски реквизированных, с пышным караваем в руках, который венчала фаянсовая общепитовская солонка. Полковник, скользнув по ним взглядом, перенацелил взор на окрестности. Со всех сторон дачу окружали высоченные дубы, ярусом ниже росли березки и клены, и только со стороны дороги пространство оставалось открытым. Там просматривались окраинные городские хибарки с зеленеющими огородами, и дальше, в километре примерно, высились здания двух крупнопанельных пятиэтажек.

И в миг, когда президент, поворочавшись внутри джипа, в стариковском нетерпении сам открыл дверцу, полез, как раздраженный медведь из берлоги, наружу, опустив на землю сразу обе ноги, благо гренадерский рост это ему позво-

лял, в то же мгновение по глазам полковника резанул солнечный зайчик. Еще не сообразив, что к чему, определив лишь, что бликует где-то в окне одной из отдаленных пятиэтажек, Коновалов изо всех сил толкнул, вернее швырнул президента назад в машину.

И в ту же долю секунды у лица начальника охраны, там, где только что находилась голова Деда с буйной шевелюрой растрепавшихся после сна волос, тонко свистнуло. По горячей волне опалившего лицо ветерка полковник безошибочно распознал пролетевшую пулю!

– Заводи! Быстро в ворота! – заорал Коновалов водителю, и тот заполошно вцепился в баранку, газанул, а президент, завалившись спиной на жену, просипел плаксиво:

– Ты што, Илья? Охренел?! Твою мать...

Джип, с визгом крутанув колесами, сорвался с места и влетел во двор, окатив пылью едва успевших отскочить в сторону девчушек в нелепых кокошниках, и укрылся за высоким забором.

Коновалов спрыгнул с подножки, оглянулся на вбегавших в ворота охранников.

– Что случилось? – запаленно спросил, выдергивая пистолет из заплечной кобуры, один из них.

Полковник махнул рукой в сторону дачи, приказал:

– Быстро осмотреть помещения. Вы двое обшарьте все кусты во дворе. Проверьте, нет ли другой калитки, дыры в заборе. – и пояснил встревоженным сослуживцам вполголоса,

чтобы не слышали посторонние, – Снайпер!

III

Выругавшись сквозь зубы, снайпер передернул затвор армейской СВД, и латунная гильза, звякнув, покатила по полу. В комнате отчетливо запахло пороховой гарью.

Только что в перекрестье оптического прицела он отчетливо видел одутловатое, знакомое по тысячам фотографий и телевизионных кадров лицо Первого Президента, но за мгновение до того, как указательный палец нажал на чуткий спусковой крючок, оно исчезло, а еще секунду спустя вся картина смазалась, затянулась пылью, и машина, рванув, скрылась за высоким забором на территории дачи, став недоступной выстрелу, и унеся в своем объемистом чреве живую мишень.

Вторую пулю посылать было не в кого. Не в охранников же, которые – это было хорошо видно в мощную оптику – сбежались стайкой у самых ворот, крутили опасно головами, каждый держал правую руку запазухой, готовый в любую минуту открыть стрельбу, но снайпера на таком расстоянии разглядеть они не могли. Да и звука выстрела наверняка не услышали, хотя глушитель у него был старый, дрековский, винтовка долбанула так, что сухая замазка с оконных рам посыпалась, но все-таки километр – это прилично, если и донеслось что до них, так звук не громче хлопка пробки, выскочившей из бутылки взбаламученного шампанского.

Минуту спустя из ворот на дорогу, где только что стоял президентский джип и колготилось встречавшее высоко-го гостя районное руководство, вышел коренастый, коротко стриженный мужик, и, приставив ко лбу ладонь козырьком, пристально взгляделся в пятиэтажку, откуда стрелял снайпер. Видать, засек направление, может быть, и окно, из которого вылетела пуля.

Стрелок инстинктивно отпрянул в глубину комнаты, и, понимая, что не может быть виден с улицы, за тысячу метров, все-таки шагнул в сторону, скрываясь в полумраке неухоженного жилища, рассматривая в прицел старшего телохранителя. Ему казалось, что этот пожилой президентский охранник непостижимым образом вычислил его укрытие, и теперь пытается разглядеть снайпера, что на такой дистанции, сквозь мутное, в разводах грязи оконное стекло, конечно же, физически невозможно.

«А ведь это наверняка тот, что за мгновение до выстрела оттолкнул бывшего президента, – сообразил вдруг стрелок. – Толковый должно быть, мужик!»

Снайпер одобрительно хмыкнул. Несмотря на досадный промах, он не испытывал сейчас неприязни к опередившему его незнакомцу. Служба есть служба. Мало ли кто теперь служит, кому и за что! Ему, стрелку, нужен был только Первый Президент. Тот, в которого он уже много раз целился из винтовки по ночам в тревожных снах, и всякий раз мазал, не мог поразить, просыпаясь в холодном поту. То патрон да-

вал осечку, то пуля, наткнувшись на невидимую, как бронированное стекло, стену, с визгом уходила в сторону. Но чаще немели, отнимались от накатившей неведомо с чего немощи, руки и надежная снайперская винтовка Драгунова оказывалась непомерно тяжелой.

И все-таки он был уверен, что, если выпадет случай, не промахнется наяву. Слишком важен был этот выстрел, ставивший точку в биографии Первого Президента, и, конечно, его, стрелка тоже. Но последнее для снайпера было уже не важным.

И вот, благодаря невероятному стечению обстоятельств – и в этом он видел предопределяющий перст судьбы – встреча, о которой он мог только грезить ночами, перекатывая горячую от опаляющей ненависти голову по влажной от пота подушке, состоялось. Не раздумывая ни секунды, не терзаясь сомнениями, он тщательно выцелил знакомый профиль, выстрелил! И – промахнулся...

Но это не беда – утешал он себя. Это только тренировка. Пристрелка. Президент пробудет в Козлове, снайпер знал это точно, не меньше недели. И стрелок дождетя своего часа. Не надо только суетиться, мельтешить. И тогда... То, что делает с человеческим телом пуля калибра 7.62, выпущенная из патрона образца 1896 года, знают не многие. А он, стрелок, знает. Видел вблизи. Не приведи, как говорится, господь...

Снайпер достал из кармана куртки-«штормовки» носовой

платок, и с его помощью, не оставляя отпечатков пальцев на раме, прикрыл створку окна. Нагнулся, поднял с пола еще теплую после выстрела гильзу. Потом, отомкнув прицел, сунул винтовку в длинный брезентовый чехол, из которого мирно торчали концы складных бамбуковых удилиц. Снял с подоконника и нахлобучил на голову старую соломенную шляпу с обвисшими полями, затенявшими его лицо. Поднял жесткий воротник затрапезной «штормовки», закинул чехол с неприметной среди удилиц винтовкой на плечо, подхватил стоящий здесь же садок с десятком уснувших навечно карасиков, каких ловят в старице на окраине городка и, сгорбившись, вышел из квартиры, осторожно прикрыв за собой дверь, в пустынный подъезд.

Он знал, что вероятнее всего, никого не встретит здесь в этот утренний час, излюбленный ворами-домушниками, а если и столкнется с кем-то на лестничной клетке – каждый примет его за не слишком удачливого рыбака, коих великое множество расплодилось в последние годы в этом истощенном хронической безработицей городишке.

IV

В полдень того же дня начальник областного управления ФСБ генерал Родионов вызвал в свой кабинет начальника отдела антитеррористических операций майора Сорокина.

Тот, с позволительной контрразведчикам вольностью одетый в гражданское, кивнул, войдя, и вытянул руки по швам, что должно было означать подчинение и почитание старшего по должности и званию, а потом сел, следуя приглашению генерала, за приставной столик и с готовностью раскрыл перед собой обшитую кожей обложку толстого органайзера, извлек авторучку, и клюнул ее стержнем страничку, изобразив готовность записывать любые указания шефа.

Начальник УФСБ был человеком старой закалки, генералил с тех еще, кагэбэвских времен, и, хотя головокружительной карьеры не сделал, застряв на региональном уровне, пересидел-таки чудом все многочисленные реорганизации родного ведомства, с перетряской отделов и кабинетов, напоминавшие больше зачистки нелояльно настроенных чеченских сел, научился гибкости и компромиссам, мог проносить слово «демократия» искренне-будничным тоном, не вкладывая в это понятие саркастического смысла, но порою не мог сдержать раздражения вопиющим пренебрежением установленных правил секретности.

– Ты бы еще ноутбук сюда притащил и по клавишам щел-

кал. Чтоб все мои распоряжения какой-нибудь хакер-цэр-эушник читал, – недовольно покосился в сторону новомодной записной книжки генерал.

– В следующий раз – непременно, – обезоруживающе улыбнулся майор. – Я как раз курсы обучения компьютерным технологиям прошел. Двухмесячные, платные. А платил, между прочим, из своей скромной зарплаты...

– Ты про зарплату не намекай, – усмехнулся генерал. – Раньше нам разведки чуть ли не всего мира противостояли. Да внутренние враги. Потому и платили в госбезопасности сотрудникам по повышенной ставке. А сейчас за что вам зарплату повышать? Кругом – одни друзья. Никаких врагов – ни внешних, ни внутренних. Благодать, а не служба! А ты хочешь, чтоб тебе за нее еще и большие деньги платили?! – он укоризненно покачал головой, указал прокуренным до желтизны пальцем на органайзер. – С папочкой к начальству надо входить. С па-по-чкой! Вам в канцелярии их для чего в начале года раздали? А, в папочке – блокнот. Специальный, для служебных записей. С прошнурованными страницами. – И вздохнул ностальгически. – Эх, молодежь... Не нарывались еще...

Потом, достав пачку сигарет – особо легких, бездымных почти, которые докуривал, тем не менее, до самого фильтра, щелкнул настольной зажигалкой и перешел к делу.

– Тут вот что, майор. Ты в Козлове перед визитом Первого Президента побывал? Побывал. Отчет составил?

– Составил, – насторожился Сорокин.

– И выходило по твоему отчету, – ласково напомнил генерал, – что высокой особе ничего там не угрожает.

– Так оно и есть! Тихий городок, сонный.

– А сегодня утром, сразу по прибытию, на бывшего главу государства там покушение устроили, – будто с некоторым удовлетворением от случившегося заключил начальник УФСБ. – Так вот все и бывает! Вначале пренебрегаем режимом секретности, записываем служебную информацию, где попало, а потом раз – и террористический акт. Проморгали!

– Покушение? – проигнорировав явную алогичность в умозаключениях генерала, выгнул дугой в недоумении брови Сорокин.

Генерал с презрением посмотрел на суперлёгкую сигарету, сгоревшую мгновенно, как бездымный порох, ткнул тлеющим фильтром в пепельницу, сказал задумчиво:

– Ну, я лично не торопился бы именно так назвать этот... э-э... прецедент, а только начальник охраны Первого Президента утверждает, что сразу после того, как джип с высокой особой и машины сопровождения подъехали к обкомовской даче, в Деда шмальнули из снайперской винтовки примерно с километрового расстояния.

– И... что?

– А ничего. Снайпер промахнулся. В итоге Первый Президент цел, пули, как вещдока, нет, есть одна эта, как ее... эфемерность, данная нам в ощущениях начальника президент-

ской охраны. Он вишь ли, блик от оптики заметил, и свист пули услышал. А их, как известно, к делу не пришьешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.